

Электронный архив УГЛТУ

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

ФГБОУ ВО «Уральский государственный
лесотехнический университет»

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В РОССИИ

Сборник научных трудов по материалам
научно-практической конференции

Екатеринбург
2016

УДК 316.722(470)

ББК 60.524

Ц58

Рецензенты:

Е.В. Бакеева – доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина;

В.М. Пищулов – доктор экономических наук, профессор кафедры истории и экономической теории Уральского государственного лесотехнического университета.

Редакционная коллегия:

И.В. Назаров, О.Н. Новикова (отв. за выпуск), С.Н. Каташинских.

Ц58 Цивилизационные перемены в России: сборник научных трудов по материалам научно-практической конференции «Цивилизационные перемены в России». – Екатеринбург: Урал. гос. лесотехн. ун-т, 2016. – 116 с.

ISBN 978-5-94984-559-2

В сборнике представлены научные труды, посвященные актуальным проблемам социального развития российского общества, его духовно-нравственным аспектам и особенностям менталитета, инновационным процессам в современном образовании.

Сборник рассчитан на преподавателей вузов и на широкий круг специалистов, интересующихся проблемами развития российского общества.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за точность приведенных цитат, соответствия ссылок оригиналу и прочие сведения.

УДК 316.722(470)

ББК 60.524

ISBN 978-5-94984-559-2

© ФГБОУ ВО «Уральский государственный лесотехнический университет», 2016

© Авторы статей, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Проблемы социального развития современной России

<i>Лутцев М.В.</i> Авторитарный запрос	4
<i>Назаров И.В.</i> Порок бедности в «богатой» стране	15
<i>Сигнаевская О.Р.</i> Философско-методологические основания мета-научного синтеза концепта «Мир человека»: постантропологическая эпоха	21
<i>Фонова Н.Г.</i> Развитие партнерства в образовании: проблемы и возможности	26

Раздел 2. Духовно-нравственные проблемы российского общества

<i>Новикова О.Н.</i> Игровые практики и деконструкция жизни	38
<i>Петров В.Б.</i> Историко-философские основания художественной аксиологии	42
<i>Пудов А.Г.</i> Вопросы расширения мифически конципированного сознания этнических культур северо-востока России	49
<i>Помазуева Т.Н.</i> Мифологические сюжеты в творчестве арт-фотографа А. Абалихина	56
<i>Березина А.В.</i> Проблемы методологии этнокультурных исследований	63
<i>Каташинских С.Н., Мышкина Е.В., Петрикеева И.А.</i> Исследование особенностей мотивации учебной деятельности обучающихся УГЛТУ специальности «Экономическая безопасность»	67
<i>Пухов Д.Ю.</i> Региональная пресса периода думской монархии как выразитель ценностных ориентаций провинциальной интеллигенции (по материалам газеты «Вятская речь»)	76
<i>Калистратова Е.А.</i> Повседневность и досуг	87

Раздел 3. Проблемы природопользования современности

<i>Баженова Е.В.</i> Зоопространство в структуре мегаполиса: к проблеме экологии современной городской культуры	93
<i>Панова Т.М.</i> Состояние и перспективы развития рынка биотоплива	102
<i>Шибяев В.В.</i> Лесовосстановительные работы в дачах горных заводов Урала конца XVIII в. – первой половины XIX в.	106
Наши авторы	114

РАЗДЕЛ 1

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

УДК 321. 022

ГРНТИ 11.15. 07

М.В. Лутцев
ГАУ, Оренбург

АВТОРИТАРНЫЙ ЗАПРОС

Статья посвящена важной и актуальной теме отношений власти и общества в современной России. Анализ исторического развития России, особенно в XX в. показал, что прежние модели социально-политического устройства, а именно тоталитаризм и сменившая его «либеральная демократия» в конечном счете не обеспечили поступательного и максимально бесконфликтного развития страны, привели ее в состояние глубокого кризиса, следствием которого стал распад страны.

Обосновывая необходимость умеренно авторитарного метода управления Россией, автор отмечает и его недостатки, подвергая их критическому анализу. В итоге приходит к выводу о преимуществах умеренно авторитарного метода управления над остальными методами.

Ключевые слова: авторитаризм, демократия, суверенная демократия, режим личной власти.

Прошло уже почти четверть века с момента распада Советского Союза, в течение нескольких десятилетий бывшего альтернативной Западу моделью социального развития. Прежний политический режим, со всеми его достоинствами и недостатками, окончательно стал достоянием истории.

Однако перед Россией вновь стоит «вечный» вопрос, по какому же пути ей идти в будущее? Будет ли это в очередной раз копирование западных политических институтов, а Россия станет политической, экономической и культурной провинцией западного мира? Попытается ли она вновь найти свой путь, непохожий на западный и альтернативный ему.

Современные российские политики, политологи, СМИ в большинстве говорят о безальтернативности для России демократического пути развития. Это зафиксировано и в действующей Конституции РФ. Так, ст. 1 Конституции РФ гласит о том, что Россия является демократическим правовым государством с президентской формой прав-

ления. Демократия с ее неизменными спутниками – народным суверенитетом, либеральной рыночной экономикой, приоритетом прав личности над правами общества и государства, с разделенной на три независимые ветви государственной власти с четко определенными законом пределами и объемами каждого из властных органов, с верховенством в обществе права и независимым правосудием, объявляется высшим достижением человечества.

Известный афоризм У. Черчилля гласит, что демократия – самая несовершенная форма правления, если не считать всех остальных. Что же, с Черчиллем можно согласиться, достоинств у демократии действительно немало. Однако насколько она свободна от недостатков, как уверяют нас ее апологеты и на Западе, да и в самой России, чтобы верить в нее как в некую новую религию?

Недостатки демократии были известны уже в древности, на ее родине – в Греции. Уже тогда демократия показывала себя не только с положительной стороны. Впечатленный процессом, осудившим на смерть Сократа, его ученик Платон увидел в демократии самую неправильную (за исключением тирании) из форм правления. Правителей демократических государств он именуется трутнями, которые разрушают все нравственные основы жизни: честь, стыд, благородство, умеренность, давая при этом свободу всему низменному, «... наглость они называют просвещенностью, разнузданность – свободой, распутство – великолепием, бесстыдство – мужеством» [1, с. 379]. Демократия неизбежно ведет к тирании, а «Из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство», – утверждает Платон [1, с. 388].

И. Кант в неприятии демократии был солидарен с Платоном. «Демократия неизбежно есть и деспотизм» – утверждал уже великий «кенигсбергский мудрец» [2, с. 54].

Еще более жесткой критике (с религиозно-этических позиций) подвергли демократию и многие русские мыслители. Так, один из наиболее ярких представителей русского консерватизма К.П. Победоносцев назвал демократию «великой ложью нашего времени». По его мнению, идея демократии внешне очень привлекательна, однако в истории еще не было такого случая, чтобы народ, даже пришедший к власти, осуществлял эту власть сам. Реальную власть всегда у народа отбирает политическая элита, распоряжающаяся ею по своему усмотрению. «Демократия безнравственна, так как основана на лжи, а что основано на лжи не может быть правдой», – завершает свою мысль К.П. Победоносцев [3, с. 31].

Не менее категоричен в отношении демократии и другой мудрый русский патриот И. Ильин: «Замечательно, что на введении демократии в грядущей России настаивают, во-первых, неосведомленные и лукавые иностранцы, во-вторых, бывшие российские граждане, ищущие ныне разложения и погубления России. На самом деле “демократия” не есть легко вводимый и легко устрояемый режим. Напротив – труднейший... Демократия предполагает исторический навык, приобретенный народом в результате долгого опыта и борьбы, она предполагает в народе культуру законности, свободы и правосознания; она требует от человека – политической силы суждения и живого чувства ответственности. И. Ильин считал, что демократия для своего существования предполагает в народе чувство собственного достоинства, элементарной честности, политического кругозора, государственной ответственности. Всего этого наш народ за десятилетия рабского состояния был лишен. Народ нищ, подавлен, запуган, развращен. Вот почему нельзя вводить в России демократию любой ценой. Нет, не демократия нужна нам сегодня, а «твердая национально-патриотическая и по идее либеральная диктатура, помогающая сверху выделить свои подлинно лучшие силы и воспитывающая народ к отрезвлению, к свободной лояльности, к самоуправлению и к органическому участию в государственном строительстве. Только такая диктатура и может спасти Россию от анархии и затяжных гражданских войн» [4, с. 144].

П. Флоренский, испытав все прелести сталинского тоталитаризма, уже находясь на Лубянке, пишет свой исполненный тревоги за судьбу Родины политический трактат – завещание «Предполагаемое государственное устройство в будущем». В нем он пишет: «Бюрократический абсолютизм и демократический анархизм равно, хотя и с разных сторон, уничтожают государство... Политическая свобода масс в государствах с представительным правлением есть обман и самообман масс, но самообман опасный, отвлекающий в сторону от полезной деятельности и вовлекающий в политиканство. Должно быть твердо сказано, что политика есть специальность столь же недоступная массам, как медицина или математика, и потому столь же опасная в руках невежд, как яд или взрывчатое вещество. Отсюда следует ответственный вывод о представительстве: как демократический принцип оно вредно и, не давая удовлетворения никому, вместе с тем расслабляет целое. Ни одно правительство, если оно не желает краха, фактически не опирается на решение большинства в вопросах важнейших и вносит свои коррективы; а это значит, что по существу оно не признает представительства, но пользуется им как средством для прикрытия своих действий» [5, с. 97].

Что представляет собой демократия по-русски показал февраль 1917 г.: демократия быстро выродилась в охлократию (власть толпы), переросшую в демонократию (власть «бесов», по Достоевскому), вершиной которого стал сталинский тоталитаризм. Не лучше показала себя демократия образца октября 1993 г., быстро переродившись в президентскую монархию и олигархию (совсем по Платону).

Почему же «наилучший», по мнению многих ученых, общественный строй вызывает столь жесткую критику и совершенно разные взгляды мудрых людей? Причина скорее всего в том, что лозунг «демократического общества» всегда был средством политической борьбы, имел и будет иметь идеологическую окраску – служить разным социальным силам. Известно, что идея демократизации, долгое время находившаяся в тени, вдруг выдвинулась на передний край глобальной идеологической борьбы с 70–80-х гг. XX в. в самый разгар противостояния Запада против Востока, холодной войны США и НАТО против СССР и Варшавского договора. Концепция демократического общества была поставлена на одно из первых мест в идеологическом арсенале западных пропагандистских центров в их идеологической борьбе с социализмом с целью уличить его в отсутствии прав и свобод у граждан, абсолютной подчиненности личности государству, необходимости освобождения восточных народов от коммунизма любым путем, включая в том числе войну.

Руководители США и их союзников по НАТО через подчиненные им научные и пропагандистские центры и свободные СМИ обвиняли противостоящие им социалистические (да и другие) страны в отсутствии у них демократического общества. При этом они упорно доказывали, что единственными опорами демократии в этих странах являются лишь оппозиционные группы, объединения диссидентов, другие ассоциации, враждебно настроенные против существующего в этих странах общественного устройства. Через своих эмиссаров они создавали, финансировали, технически оснащали эти «ростки» демократического общества, чтобы они эффективнее разрушали существующие там порядки. Западные (прежде всего – американские) концепции демократического общества явились в руках Запада преимущественно орудием, инструментом для разрушения определенных социумов, государств. При этом многие исследователи отмечают, что внутреннее использование этих концепций на Западе очень приглушено: вероятно, не совсем выгодно. В условиях конца XX в. – нача-

ла XXI в., когда классический капитализм изжил себя и сохранение его в прежнем виде грозит самому выживанию человечества, идеи подобного демократического общества, связанные с существованием этого строя, утрачивают прогрессивное значение.

Можно возразить, что не концепция виновата в том, как она используется. В определенной мере сторонники данного мнения будут правы. Но только отчасти, ибо та концепция, которая принесена к нам, абсолютизирует одну его разновидность – демократию либеральную. Она ставит материальные (и сопутствующие им политические) интересы и выгоды выше духовно-культурных. Она неслучайно избегает сравнительного анализа достоинств и недостатков разных типов демократии, поэтому страдает односторонностью, исторической ограниченностью и социальной нетерпимостью и к различным проявлениям демократии. В этом ее главный недостаток и негативное социальное действие в иных, чем на Западе, конкретно-исторических условиях. Поэтому по сути своей она деструктивна и разрушительна.

Тем не менее данная концепция, наряду с другими средствами, довольно эффективно сработала на подрыв социалистического строя. Под прямым влиянием и при активной поддержке Запада в конце 80-х – начале 90-х гг. российские либералы объявили элементами демократического общества только те идеи и социальные образования, которые были антагонистически враждебны к социализму, другими словами, были воинственно-экстремистские. Они организовали подготовку и осуществление невиданно разрушительного переворота в истории нашей страны, порождению у нас того смертельно опасного кризиса, последствия которого у нас не ликвидированы до сих пор.

Так или иначе, но бездумное разрушение социально-политического строя, который был в СССР и последовавшие за этим радикальные «демократические» преобразования к подлинно демократическому обществу не привели, да и не могли привести. Советский строй к концу 80-х гг. XX в. действительно во многом изжил себя, особенно в экономической сфере. В советском обществе было много такого, что изжило себя, являлось искусственно навязанным и даже вредным. В деятельности негосударственных объединений было много формального, идеологически догматизированного. Но были и весьма разумные идеи: «общенародного государства», развития общественных начал в государственной, партийной, производственной деятельности. Многие общественные организации (профсоюзы, объединения писателей, деятелей искусства, науки и т. д.) имели значительное влияние (в том числе и на власть) и служили на деле развитию инициативы и

творчества людей, вовлечению их в общие гражданские и государственные дела. Разрушение системы породило их исчезновение и, как следствие, обеднило общественную жизнь, снизило социальную активность миллионов граждан, пагубно сказалось на развитии страны.

Тем не менее на рубеже 80–90 гг. XX в., особенно после распада СССР, миллионы граждан действительно верили в благотворность влияния демократии в ее либеральном варианте. Они готовы были терпеть экономические трудности переходного периода, веря вождям демократических реформ, внушавшим, что стоит немного потерпеть и будем жить, как в Европе и Америке. Демократам были готовы простить и шоковую терапию начала 90-х г., и грабительскую приватизацию, метко прозванную «прихватизацией», и развал армии, и откровенное предательство национальных интересов на международной арене, и войну в Чечне, и многое другое. Однако терпение российского общества (весьма, заметим, терпеливого) закончилось достаточно быстро. Для большинства граждан России та концепция демократического общества, как ее понимали и осуществляли радикальные демократы и либералы, стала очевидной в том, что она представляет собой нечто чуждое, принесенное с иной почвы и несущее непонятные и противные большинству людей ценности общественно-политической жизни. Она потребовалась не для того, чтобы действительно поднять на более высокую ступень наше общество и улучшить жизнь населения, а лишь как красивая ширма для осуществления эгоистических, корыстных, а нередко и откровенно преступных замыслов, интересов и самих демократов и связанных с ними образовавшегося слоя так называемых стратегических собственников. Эта концепция служила задаче построения несправедливого, олигархически организованного общества, в котором все будут решать деньги, а все дела будут решаться в интересах богатых. Основная же масса населения обрекалась на примитивное, рабское существование, моральную деградацию и вымирание. Разговоры о том, что народ реально станет действительным субъектом власти, как это гарантировалось ельцинской конституцией, наивны. Никто не может утверждать, что сверхбогатые и простые трудящиеся консолидируются и смогут найти общий язык и что это общество реально станет образцом процветания как материального, так и духовно-нравственного. Как известно, демократия есть господство с помощью народа и для народа. Однако доморощенные демократы принимают только первую часть формулы – «с помощью народа», вторая часть в их понимании звучит – «для себя». Демократия по-русски быстро выродилась в олигархию, разбой и массовый обман

населения. Вершинами демократии по-русски эпохи лихих 90-х стал расстрел Белого дома в октябре 1993 г., принятие под конкретного человека конституции в декабре того же года и невероятные по цинизму и фальсификации президентские выборы 1996 г.

Так что практическая значимость подобной концепции «демократизации» в России преимущественно негативная, отрицательная, разрушительная, она помогала утверждению в России весьма дурной демократии, помогающей установлению несправедливого, антагонистического общества. По сути это движение не вперед, а назад. Но, к сожалению, в России она во многом продолжает свою работу и сейчас.

Как создаются демократические общества в других странах уже известно, о чем свидетельствуют войны США и других стран НАТО против Югославии (1999 г.), Афганистана (2001 г.), Ирака (2003 г.), Ливии (2011 г.), и готовятся другие демократические общества под лозунгом «распространения демократии и свержения тоталитаризма», как готовились и осуществлялись так называемые «цветные революции» на постсоветском пространстве. Для того чтобы сломить волю народа к сопротивлению в Югославии, Ираке, Ливии, США и НАТО, ракетно-бомбовыми ударами разрушали прежде всего системы жизнеобеспечения людей – сети коммуникаций (водопроводы, отопительные системы, канализацию, электростанции) и источники получения информации. Западная концепция демократического общества служит лишь ширмой для двойных стандартов в политике, порождением которых стали беспринципное вмешательство во внутренние дела других государств, свержение неугодных политических режимов, насилие и социальный хаос.

То обстоятельство, что навязывание концепции демократизации всему миру заложено США в политику глобализации по выгодному им образцу и что для распространения нужной им демократии США готовы использовать любые средства, вплоть до открытой военной агрессии, уже должно заставлять относиться к ней по меньшей мере настороженно.

Однако историческая практика показывает, что история ничему не учит, но за невыученные уроки сурово наказывает. Это подтверждается апологетами современного либерализма, которые по-прежнему трубят на весь мир об опасности, нависшей над российской демократией, об угрозе авторитарного реванша.

Впрочем, стоит ли столь уж волноваться по поводу печальной судьбы российской демократии? В России демократические реформы в переходный период эпохи Ельцина едва не привели Россию к ката-

строфе. Борьба за демократию превратилась в элементарную борьбу большинства людей за выживание и отодвинула заботу о правах и свободах у основной массы населения на второй план. И в связи с этим у россиян, особенно у образованной их части, вновь возникает смысложизненный вопрос: по какому же пути идти обществу. Вернется ли оно к советскому (или какому-либо несоветскому) варианту развития, продолжит ли строить демократию по западному образцу, как этому учат западные «учителя» и их российские апологеты. А может Россия вспомнит и вернется к хорошо знакомому, хотя и несколько подзабытому за несколько десятилетий традиционному российскому авторитаризму, на основе которого, собственно говоря, и произошло становление самой российской государственности.

Интересно, но подавляющую часть населения России реставрация авторитаризма не пугает. Нет, они не планируют отказываться от демократических прав и свобод, однако и не цепляются за них, видя все равно их иллюзорность. Также не желает она и восстановления тоталитаризма сталинского типа, хотя к самому Сталину отношение у значительной части в современном российском обществе уважительное как к сильному политику-государственнику, под руководством которого СССР сделал огромный рывок вперед.

В авторитаризме есть ряд несомненных достоинств, прежде всего – это символ единства страны. Правитель возвышается над различными социальными образованиями – группами интересов, классами, партиями и национальностями. Монархически-авторитарная дореволюционная Россия, при всем своем несовершенстве, например, не знала межнациональной розни, была содружеством народов во многом благодаря особенностям русской царской власти. Царя считали помазанником Божиим, носителем не только высшей власти, но и высшей благодати. Она не была тоталитарной, как это пытаются выставить ее недоброжелатели. Ни один монарх не вмешивался в личные дела подданных, в хозяйственную деятельность. Поэтому обвинять царскую Россию в тоталитаризме безосновательно, это делают те, кто хочет скомпрометировать ее прошлое, чтобы дезорганизовать его в настоящем и будущем. Тоталитаризм, означающий проникновение государственного контроля и насилия во все поры жизни – порождение XX в., завезенный в Россию западниками – коммунистами, желавшими видеть развал и разрыв России на суверенные клочки, но боявшимися успехов сильной авторитарной власти.

Есть в авторитаризме и еще одно бесспорное преимущество – отработанный механизм передачи власти. Преемник известен заранее, его постепенно готовят к высокой роли, высокой ответственности и неизбежной преемственности в политике. Главное, чтобы преемник оказался достойным.

Неудивительно, что приход к власти бывшего сотрудника КГБ В.В. Путина, которого многие ассоциируют как государственника и авторитарного руководителя, после ельцинского безвременья и смутного времени, многими был воспринят с надеждой. И частично они оправдались. В стране после колоссального падения была восстановлена относительная стабильность, был отмечен рост экономики. Формально не прерывая заявленного ранее пути построения в России демократического государства, Путин выстраивает новую модель политического режима – суверенную демократию, которую иногда называют управляемой или вертикальной. Она предполагает значительную концентрацию власти в руках президента, его контроль за деятельностью парламента. Это позволяет ему иметь поддержку своего политического курса со стороны народа и легитимизировать свои политические решения в законодательных актах. Данная модель демократии предполагает фактическое отсутствие реальной оппозиции, перевод ее в формальное состояние, что придает режиму суверенной демократии авторитарные черты, перерастающие в режим личной власти. Иными словами, то, что в России сегодня именуется демократией, имеет все больше сходства с авторитаризмом.

Следует отметить, что стабилизация политической и социально-экономической обстановки в стране в эпоху правления В.В. Путина была связана не с успехами структурного реформирования российской экономики, а исключительно с высокими мировыми ценами на энергоносители, являющиеся основной статьей российского экспорта. Тем не менее благодаря этому удалось укрепить финансовую систему страны, ускорить реформы и в других сферах экономики, в частности в налоговой и банковской системах. Намечено ускорить также реформы в ЖКХ, в армии, системе образования и судебной системе. Власть также пытается стимулировать развитие мелкого и среднего бизнеса. В страну пошли иностранные инвестиции (правда, отток капитала из России так и не прекратился). Заметно активизировалась и внешняя политика России. Она уже не боится не только обозначать, но и жестко отстаивать свои национальные интересы (признала в качестве суверенных государств Абхазию и Южную Осетию, включила в свой состав Крым и поддержала восставшее против националисти-

ческого украинского режима население Донбасса). И активная военная операция, проводимая Россией против террористов в Сирии, хотя и влечет серьезные финансовые расходы, но одновременно повышает статус страны как сильной мировой державы. И хотя ряд структурных преобразований в российской экономике и социальной сфере откровенно провалился, усиление централизованного контроля со стороны государства в ряде сфер и урезание некоторых демократических свобод (прежде всего, свободы печати) не только не расстроил основную массу населения России, но и убедил многих в том, что нужно еще более укрепить исполнительную власть. Неудивительно, что рейтинг В.В. Путина всегда был выше рейтинга всех его конкурентов вместе взятых, и никто из политиков соревноваться с ним в популярности не мог. Что же касается принятия решений по главным политическим вопросам, то они принимались и принимаются либо непосредственно президентом, либо в узком кругу его окружения без широкой огласки. И в течение следующих нескольких лет реальная борьба за власть будет разворачиваться прежде всего внутри круга сторонников В.В. Путина. Это доказали и выборы в Думу 2007 и 2011 гг. (выиграла «Единая Россия» – партия сторонников В.В. Путина) и Президента в 2008 г. (выиграл Д.А. Медведев – ставленник В.В. Путина) и 2012 г. (выиграл В.В. Путин). Сегодня этот рейтинг достигает почти 90 %.

Изъяны авторитаризма в целом и российского авторитаризма в частности известны всем: чудовищная коррупция, чиновничья вседозволенность и безнаказанность, всеильная бюрократия с ее неподконтрольностью обществу. Коррупционные скандалы с участием чиновников крупного и высшего ранга, вплоть до губернаторов и министров (А. Сердюков – бывший министр обороны, О. Чиркунов – бывший губернатор Пермского края, А. Кузнецов – бывший вице-губернатор Подмосковья). Для современной России стали нормой суммы денег, исчисляемые уже миллиардами (долларов). Неудивительно, что городничий из гоголевского «Ревизора» фигура не уникальная, а поистине современная и вечная.

Не последнюю роль в ухудшении имиджа российского авторитаризма в современных условиях способны сыграть разрастающийся мировой и внутрироссийский экономические кризисы, санкции Запада против России по поводу Украины, падающие цены на российские экспортные товары, прежде всего на углеводородное сырье. Все это уже повлекло падение уровня жизни значительной части населения. Но что парадоксально, потеря доверия к власти на местах (а это присутствует), не сказывается на доверии к верховному носителю

власти – президенту В.В. Путину. Очевидно, у большинства граждан России сложилось устойчивое мнение, что в условиях кризиса, по нашему мнению, только умеренно авторитарный тип правления во главе с сильным лидером способен вывести Россию из тупика. Разумеется, и сам режим должен учесть те ошибки, которые он совершил в годы нефтедолларового «рая», сделать правильные выводы и быть в зависимости от ситуации более гибким, или более жестким. И здесь ему полезно кое-что заимствовать и из западной демократии, и из советской системы, которая при всем своем тоталитаризме не была лишена многих разумных идей и гуманистических идеалов. Однако в целом авторитарный принцип организации власти в России, может быть несовершенный и во многом порочный, но доказавший свою жизненную силу в ходе российской истории, должен сохраниться, ибо только он, опирающийся на лучшие традиции российского патриотизма и государственности, способен гарантировать России не только суверенитет, но и само выживание в этом жестоком мире.

Библиографический список

1. Платон. Государство // Соч. / пер. А.Н. Егунова В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1971.
2. Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. М.: Соратник, 1995. 306 с.
3. Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М.: Русская книга, 1993. 639 с.
4. Ильин И.А. Долой политическое доктринерство // И.А. Ильин. О грядущей России: Избранные статьи / под ред. Н.П. Полторацкого. М.: Воениздат, 1993. 368 с.
5. Флоренский П.А. Предполагаемое государственное устройство в будущем // Литературная учеба. 1991. № 3.

УДК 316.344.233

ГРНТИ 03.23.55

И.В. Назаров
УГЛТУ, Екатеринбург

ПОРОК БЕДНОСТИ В «БОГАТОЙ» СТРАНЕ

В статье рассматривается проблема бедности большинства населения в России. Анализируются ее причины и пути сокращения. Приводятся статистические данные процента бедности. Рассматривается особенность менталитета рабочих людей на Западе и в России.

Ключевые слова: социальное неравенство, доходы населения, богатство, бедность, производительность труда.

В настоящее время сформировалось два образа России. Согласно одному из них наша страна представляется огромной великой и единой державой. Этот образ провозглашается всеми ветвями власти, всеми официальными средствами массовой информации. Эта держава занимает одну девятую часть суши, обладает 16 % всех природных минерально-сырьевых ресурсов планеты. Россия полностью обеспечена всеми видами минерального сырья и по их разведанным запасам занимает ведущее место среди крупнейших стран мира.

Во первых, Россия богатейшая страна в мире, в ней есть плодородные черноземные земли, сосредоточена четвертая часть мировых запасов древесины, есть полноводные реки, пригодные для судоходства и выработки электроэнергии (1/15 часть гидроэнергетических ресурсов мира). О богатстве страны говорит и большое число миллиардеров, по их числу мы занимаем третье место, опережая Англию, Францию, Японию.

Во-вторых, – это страна бедных людей со множеством своих нерешенных проблем. Многие бедные семьи живут в стесненных жилищных условиях, часто без элементарных удобств, даже без средств связи.

Бедность в России, как и в СССР, была всегда, но она увеличилась в связи с шоковой терапией и тотальным экономическим кризисом в начале 90-х гг. Сравнение с развитыми странами Европы показало, что даже приемлемые для части населения стандарты не позволяют выводить эту часть населения за границы бедности. Абсолютный уровень нищеты для развивающихся стран составляет 1 дол. в день, для других стран – 2 дол., уровень бедности – 4 дол.

Доходов в таких семьях едва хватает на сносное питание и на оплату жилищных и коммунальных услуг. По мировым меркам, если человек тратит на питание до 30 % своих доходов, то он способен на расширенное воспроизводство, когда создаются новые материальные и духовные ценности, повышается уровень и качество жизни. При затратах от 30 % до 70 % возможно простое воспроизводство. Уровень затрат более 70 % исключает возможность какого-либо воспроизводства – идет деградация общества, что наблюдается сегодня в России. И хотя зарплата и пенсии увеличиваются, этот прирост тут же нивелируется инфляцией и ростом коммунальных тарифов. Основная установка для всей этой части населения – выжить, выжить любой ценой.

Особенно тяжелое положение части населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума. Их доля медленно сокращалась в последнее десятилетие, но по данным 2015 г. выросла на 2,8 млн человек и достигла 16 % населения или 22,9 млн человек.

Низкий уровень материального обеспечения ведет к ухудшению здоровья, снижению культурного уровня, деградации, а иногда и деградации. Бедность отражается на трудовом, военном, образовательном и на репродуктивном потенциалах страны. В частности, набор призывников в армию лишней раз подчеркивает универсальность проблемы качества жизни общества. Обнищание ведет к росту числа психозов, наркомании, алкоголизму. Неслучайно медики отмечают, что свыше 70 % россиян живут в состоянии затяжного психоэмоционального и социального стресса, 25 % нуждаются в специализированной психиатрической помощи.

В рейтинге Bloomberg (один из наиболее солидных международных рейтингов здоровья населения), Россия в 2012 г. находилась на 97 месте из 145 (между Тимором и Ираком) стран.

Значительно увеличилось количество наркоманов. В 2012 г. официально их насчитывалось 550 тыс., по оценкам экспертов 3–4 млн Россия занимает четвертое место в мире по потреблению алкоголя, и смерть каждого пятого её жителя происходит по данному факту. От алкоголя и связанных с ним проблем у нас умирает в год больше 500 тыс. человек [1, с. 47]. В 2015 г. в стране зарегистрировано 2,7 млн алкоголиков, неофициально их насчитывается 5 млн.

Л.Б. Москвин считает, что «если в 2011 г. в России число людей, имевших в месяц менее 15 тыс. руб. дохода на человека (т. е. реально бедных и просто нищих), составляло, по данным Госстата, более 53 % от всего населения, то в 2013 г. число людей, имевших практически

такой же доход – от 16,5 тыс. руб. (с учетом инфляции за два года эта сумма сопоставима с 15 тыс. руб. в 2011 г.), стало почти 58 %. Иначе говоря, количество бедных и нищих в стране за этот период не только не уменьшилось, а несколько возросло» [2, с. 31].

По данным статистики, час работы в России равен 1,7 дол., в странах Европейского союза в 2013 г. почасовая оплата составила 23,1 евро, в Швеции 39 евро. Другими словами, час работы у нас стоил меньше, чем в Швеции более чем 25 раз [3].

Денег в бедных семьях хватает только на самое необходимое. Затраты на платное обучение детей, на дорогие лекарства, новую домашнюю мебель, замену одежды для такой семьи оказываются неподъемными.

Л.Б. Москвин отмечает, что в стране «появилась категория людей беднее бедных». Введено понятие «крайняя нищета» (доходы до 7–8 тыс. руб. на человека) и «нищета» (от 7 до 19 тыс. руб.). Если сложить и тех, и других, то таких бедных в стране насчитывается до одной трети. И это было уже тогда, когда еще не было дефицита государственного бюджета, ни стоимости нефти ниже 80 дол. за баррель, ни евро выше 60 руб. [2, с. 32].

Об этом же свидетельствуют результаты ученых департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ. За десять месяцев 2015 г. доля тех, кому с трудом хватает денег на питание, выросла до 13 % против 10 % годом ранее. Те, кому достаточно средств только на предметы первой необходимости, – до 42 % против 38 % в 2014 г. Таким образом, доля двух наименее обеспеченных социальных групп составила 55 % от населения страны.

Бедность населения обусловлена низкими доходами населения, невысоки зарплата и пенсия, особенно это заметно по сравнению с западными странами. Средняя зарплата в России в 2013 г. составляла 30 тыс. руб., в то время как во Франции 120 тыс., в Германии – 160 тыс., в США – 168 тыс. руб. В октябре 2015 г. соответственно 33100, 185181, 186483 и 228075 руб. [4, с. 16]. Минимальная зарплата в России в 2013 г. составляла 5205 руб., в Испании – 29920 руб., в Люксембурге – 52000. Только в 2015 г. она составляла в нашей стране 5965 руб.

Такое же соотношение и пенсий. В России средняя пенсия была в 2013 г. 9500 руб., в Швеции 37000 руб., в Италии 53000 руб., в Норвегии 65000 руб. Академик А.Г. Аганбегян отмечает, что «средний размер пенсий у нас составляет около 30 % от уровня средней заработной платы, хотя Россия подписала установленную международной

организацией труда рекомендацию о том, что ее размер должен быть в диапазоне 40–60 % по отношению к средней зарплате. По международному рейтингу уровня жизни пенсионеров Россия занимает 78-е место из 91 страны... Средний размер пенсии по старости составляет 11,6 тыс. руб., а общий прожиточный минимум в первом квартале 2015 г. на душу населения 9662 руб.» [5, с. 146, 148]. Он делает вывод, что размер пенсий в России намного ниже уровня нашего экономического и социального развития.

Среди обилия мнений о причинах бедности России, её судьбе можно выделить разные точки зрения. Одна из них настаивает на относительной отсталости нашей страны от передовых, развитых странах мира, для неё характерны плохая дисциплина и низкая производительность труда, отсутствие уважения к человеку и его труду.

Почему мы плохо (в сравнении со странами Западной Европы) работаем? По мнению академика Н.М. Амосова, «наш народ попросту ленив – и этим объясняются главные его беды, в том числе нездоровье и плохая демография. Недаром говорят, что труд спасает как минимум от трёх зол: бедности, скуки и растрепанности. Ведь сейчас люди отвыкли работать, социализм их отучил это делать так, как положено человеку. При капитализме люди постоянно напрягаются, к чему-то стремятся, а наша иждивенческая психология привела к полному нежеланию “шевелить” плавниками» [6, с. 6].

По нашему мнению, положение России на протяжении её истории и в настоящее время определяется одной закономерностью: на тысячу жителей в России людей, не желающих, не умеющих и не способных ответственно трудиться, больше, чем в развитых странах мира.

Люди на Западе работают лучше, они там более добросовестны, ответственны, дисциплинированы. Эта закономерность естественно и просто всё объясняет, хотя она создаёт дискомфорт и не нравится многим россиянам, которые не хотят видеть и признавать негативные черты русской действительности. П.А. Чаадаев называл их блаженными патриотами. Но они не могут объяснить, почему в Швейцарии или Дании, где почти нет полезных ископаемых, уровень жизни выше, чем России в несколько раз. Например, средняя заработная плата за вычетом налогов во Франции в октябре 2015 г. составляла 185181 руб. в месяц, а в Люксембурге 228075 руб., а в России средняя зарплата только 33100 руб. [4, с 16].

Другая причина бедности состоит в несправедливом распределении доходов. Если задача повышения эффективности труда долгосрочная, то перераспределение доходов возможно и в настоящее

время – это значительное увеличение минимальной зарплаты и пенсии. Для этого нужна большая настойчивость профсоюзов, повышение активности населения и воля властных органов. Мы, к сожалению, ещё не умеем и не готовы отстаивать свои интересы, верим обещаниям и посулам политиков, не научились разделять их слова и действия.

По сравнению с западными предприятиями наша организация труда невысокая, а производительность труда на час отработанного времени составила 15,3 тыс. дол., в Великобритании 42,6 тыс. дол., в США – 53 [3, с. 37]. Согласно отчету Международной организации труда американец имеет производительность труда на одного работающего 60,7 тыс. дол., немец – 42,5 тыс. дол., россиянин – 11,1 тыс. дол.

Поскольку бедность и нищета обрекает значительную часть населения на прозябание, является тормозом общественного развития и чреватая социальными потрясениями, то с ними необходимо бороться.

Прежде всего, надо изменить отношение к труду, повысить его производительность. Задача эта сложная, долговременная, но без ее решения кардинально жизнь не улучшится: только сила труда способна поднять Россию, преодолеть отставание от ведущих стран мира.

Для этого необходимо изменить менталитет народа, в котором труд не играет главную роль, не является высшей ценностью. Это выражается в пословицах типа: «Работа не волк – в лес не убежит», «Работа дурака любит», И.М. Супоницкая отмечает, что в России труд носил ритуальный характер, а не выполнял прямого назначения как средства для удовлетворения потребностей человека [7].

В Америке труд определял социальное положение человека, он был свободным, у нас же он был принудительным, начиная с крепостного права в XVI в. и кончая трудом заключенных в XX в. Принуждение воспитывало отношение к работе как к проклятию у крепостных крестьян и как к позору у дворян. Русский и американский рабочий во многом сохранили психологию и отношение к труду крестьянина и фермера. Первый, выйдя из деревни, принес в город коллективистские привычки, ненависть к работе и подневольную зависимость; второй – личную ответственность, навыки интенсивного труда.

Изменение отношения к труду – это обязательное условие модернизации России, создания условий для достойной жизни.

Другой резерв улучшения благосостояния народа – это отказ от имперских амбиций и стереотипов, поглощающих часть национального дохода. Многие ученые жалеют об утрате имперского мышления

и ратуют за его возобновление. Так, А.В. Тонконогов пишет: «Только великие имперские идеи могут мобилизовать российское общество. Отказ от имперского мышления – это путь к нашему самоуничтожению. Вопрос духовного развития и духовной экспансии – это вопрос нашего выживания. Если мы не будем осознавать себя гражданами империи, процесс ментального разрушения российской нации станет необратимым. Будет запущен механизм духовной деградации» [8, с. 17–18]. «Народы России не могут не распространять свою духовность. Отечественные военные базы должны быть духовными (культурными, религиозными, информационными, образовательными) анклавами России во всем Мире... Россия реально может и должна стать серьезным геополитическим, геоэкономическим и геодуховным центром Мира» [8, с. 18–19].

Нам представляется, что более правильной и полезной для страны является точка зрения В.Л. Иноземцева, резко критикующая идею имперского величия. Он отмечает, что «различные политики и общественные деятели обращают подобные рассуждения в инструмент обоснования особой роли России как на постсоветском пространстве, так и в мире в целом. Однако подобный подход провокационен и опасен, воспроизводя популярную в среде российских консерваторов, начиная с XIX в., апологию панславизма. Именно ею обосновывалось неоднократное вмешательство России в дела стран Юго-Восточной Европы... Концепт «русского мира» теоретически несостоятелен, практически ошибочен и политически опасен [9, с. 150, 151].

Что касается насущных задач, то одной из них является необходимость перераспределения доходов, увеличение заработной платы и трудовой пенсии. Так, в Германии первой реформой в борьбе с бедностью была реформа зарплаты и сейчас пособие по бедности примерно в шесть раз выше, чем зарплата бюджетников в России.

Известно, что ЮНЕСКО еще в 1987 г. установила минимум зарплаты в 3 дол. в час. При более низкой зарплате теряется стимул к работе.

Многие экономисты призывают вернуться 3–4-х ступенчатой шкале подоходного налога: существующая плоская шкала подоходного налога, по их мнению, значительно снизила налоговое бремя на богатых. Они отмечают, что в одной из самых социально-развитых стран мира – Швеции – налог на богатых достигает 50 % дохода.

Таким образом, уменьшение бедности и рост благосостояния – повышение качества жизни россиян – важнейшее условие развития нашей страны.

Библиографический список

1. Аргументы и факты. 2013. № 8.
2. Москвин Л.Б. Проблемы выравнивания неравенства в современном обществе // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 3.
3. Ильин В.А., Шатунова А.А. О некоторых тенденциях в экономическом развитии России и регионов // Социс. 2015. № 8.
4. Аргументы и факты. 2015. № 44.
5. Аганбегян А.Г. О продолжительности здоровой жизни и пенсионном возрасте // ЭКО. 2015. № 9.
6. Амосов Н.М. Синдром усталости? Нет лени // Поиск. 1997. № 1.
7. Супоницкая И.М. Успех и удача: отношение к труду в американском и российском обществе // Вопросы философии. 2003. № 5.
8. Тонконогов А.В. Геостратегия России в современном мире // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 5.
9. Иноземцев В.Л. Русский мир против Русского мира // Социс. 2015. № 5.

УДК 101.9
ГРНТИ 02.15.51

О.Р. Сигнаевская
УГЛТУ, Екатеринбург

**ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
МЕТАНАУЧНОГО СИНТЕЗА КОНЦЕПТА «МИР ЧЕЛОВЕКА»:
ПОСТАНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ЭПОХА**

В статье рассматриваются философско-методологические основания решения сложной проблемы трансформации «Мира человека» в информационном обществе XXI в., суть которого определяется как постантропологическая парадигма.

Ключевые слова: постантропологическая эпоха, метанаучный синтез, концепт «Мир человека», постантропологическая парадигма.

Для более фундаментального исследования цивилизационных изменений в России важно с общефилософских позиций отрефлексировать всю социально-антропологическую ситуацию в целом. Современные общественные, естественные, технические науки кардинально изменили самого человека и формы его жизни. В обществе идут научные дискуссии о том, не уничтожит ли человек этими новациями себя самого? Эти вопросы не могут быть положительно разрешены до

тех пор, пока человек не очертит свои границы и возможности, то есть пока не ответит на вопрос: «Что такое человек?». Этот вопрос стоит в новых постантропологических условиях, когда в каждом человеке существует его собственная космология, а методологические подходы выходят на метанаучный уровень и радикально ориентируются на множественность, темпоральность, сложность [1]. Пространство постантропологической эпохи выстраивается по двум основным траекториям: как симуляция (симулякр – пустой знак, «лживая копия копии» [2]), т. е. современность паразитирует на символах прошлого времени и, основываясь на господстве релятивизма, наполняет их своими смыслами, которые будут отличаться от первоначальных, зачастую разрушая их концепт как гиперреальность (виртуальность – сурогат реальной жизни). Развитие информационных технологий, непознаваемость, размытость смыслового контекста, социальная аномия – приводит к тому, что человек создает свой «Мир человека», в котором первая (настоящая) реальность упраздняется и поглощается второй (виртуальной) реальностью. «Мир человека» в виртуальном пространстве, наполненном симулякрами, отличается эффектом легкости, быстроты, носит игровой характер, то есть открыто «потворствует» слабостям человека. В связи с этим поиск концепта «Мир человека» в постантропологическую эпоху как жизненного личностно-индивидуального пространства уникальных ценностей и смыслов через разработку новой формы методологического метанаучного синтеза к его пониманию приобретает ключевое значение.

В классической парадигме философская антропология в качестве своей системообразующей категории имеет человека и его отношение с миром. По нашему мнению, феномен «Мир человека» позволяет более полно разрешить наметившие противоречия. Исследования динамики образов человека от античности до постмодерна и философские поиски постижения понимания сущности человека (деятельностный, производящий, социальный, разумный, символический, виртуальный, играющий, свободный, романтический, экономический, потребляющий, эгоистический, рациональный, культурный и т. д.) привели к глубинному кризису, вследствие которого философская антропология «рассыпалась» на множество подходов и теорий о человеке, потеряв и методологическую и онтологическую платформу для их единства и универсальных знаковых основ. Именно наличие огромного количества антропологических учений, их плюрализм делают востребованным применение полипарадигмального метанаучного трансмеждисциплинарного подхода и попытку определить некоторый философ-

ский контур поиска целостной, универсальной идеи человека как такового в современном постклассическом мире. Видится, что ситуация антропологического кризиса содержит в себе положительную интенцию для осуществления парадигмального скачка от антропологической парадигмы к постантропологической [3]. Возникновение целого ряда антропологических проблем, не имеющих своих ответов и решений в рамках существующей классической антропологической парадигмы, позволяет отметить и зарождение новой исторической эпохи – постантропологической, которую мы связываем, в первую очередь, с формированием новой картины мира в связи с активными процессами информатизации и глобализации, новым типом культуры – переход от культуры, основанной на личности, к культуре, базирующейся на системе и новом типе человеческого сознания в целом.

Отмеченные аспекты позволяют актуализировать качественно новую концепцию философско-антропологического знания, суть которой можно определить как переход от бытия в мире вещей к бытию в мире смыслов в ситуации, когда «силы в человеке вступают в отношения с силой аграмматичности, берущих реванш над означающим» [4]. «Мир человека», а не Человек становится центральной категорией философской антропологии в постантропологическую эпоху. Человек выстраивает мир своих смыслов и ценностей, отвечая на все усложняющие вызовы современного мира. Ради чего он живет? В чем смысл и ценность его индивидуальной жизни? «Мир Человека» – это прошлое, настоящее и будущее, утраченные и реальные возможности, это общение с предками, современниками и потомками. Человек, как «Мир человека», взятый во всем потенциале осмысленных свершений; он – культивация человеческого бытия, мучительная и долгосрочная возгонка этого бытия от данности материала до ослепительной художественной формы, ибо творчество – в чем бы оно ни проявлялось – есть всегда самотворчество; «Мир человека» – не ставшее, а постоянное и непрерывное становление», это путь к «всечеловеку». Прекрасное и величественное зрелище являет собой человек, выходящий из небытия собственными усилиями, светом разума рассеивающий мрак, которым окутала его природа, возвышающийся над самим собою, устремившийся духом в небеса, с быстротой солнечного луча, оббегающего мыслью огромные пространства вселенной и, что еще величественнее и труднее, углубляющийся в самого себя, чтобы изучить человека и познать его природу, его обязанности и назначение [5].

Попытка философской реконструкции концепта «Мир человека» на качественно иных философско-методологических основаниях позволяет выстроить и новую концепцию философской антропологии в целом. Феномен «Мир человека» снимает имеющую в наличии противоречивость антропологических теорий и по новому структурирует смысловое пространство философской антропологии. Осмысление феномена «Мир человека» и его системообразующего элемента – смыслопорождающей функции в качественно новой для человека культурно-антропологической ситуации III-го тысячелетия – выявляет и наиболее актуальные модусы существования человека в постантропологическую эпоху: а) индивидуальность как форма бытия личности; б) новые грани и уровни сознания; в) поиски идентичности; г) конструирование субъектности. Таким образом, можно выделить несколько глобальных тенденций, актуализирующих проблему «Мира человека» в контексте, в первую очередь, размывания смыслов.

Во-первых, в современной философско-антропологической мысли активно предпринимаются попытки развернуть современного Человека от бытия в мире вещей к бытию в мире смыслов. Значимо то, что антропологический кризис XXI в. исследуется как один из составляющих общего кризиса культуры: кризис принципов и отсутствие общей идеи (эйдоса) человека, утрата человеком в постиндустриальном обществе индивидуальной автономии и стандартизация форм жизни, разрушение личностного начала в культуре, замена живого переживания деловым техническим общением, опасность разрушения биологии человека, крах духовных ценностей, разрыв между сферой культуры и сферой экономики, политики и т. д. Новые типы реальности: Интернет и анонимность общения, ценностная дезорганизация человека и проблема идентификации.

Во-вторых, философы и антропологи выявляют качественно новые вопросы для современного научного поиска. Какие новые человеческие возможности открываются при переходе от культуры, основанной на личности, к культуре основанной на сетях (системе)? Возможно ли при отказе от ценностей личной культуры, что происходит в постиндустриальную, информационную эпоху, сохранить лицо в сетях (системе) ценностей масс? Сможет ли человек нового формата воспринять как часть своей жизни то, что прежде мыслил лишь абстрактно? Именно ответы на эти и подобные вопросы-вызовы позволяют теоретически и практически дать философской антропологии некий образ (эйдос) человека новой ментальности XXI в., новой формы культурного творчества и смыслообразования уже в другой – постантропологической парадигме.

В-третьих, сегодня, как никогда важно видеть и понимать, реально очерчивать антропологические перспективы, а именно проблемность человека как практическая задача его самоопределения в условиях постиндустриального общества. Отсюда вытекают и задачи современной антропологии в целом: исследование кризиса современного человека, его онтологического статуса и фундаментальных жизненных отношений в рамках «Мира человека». Большое значение приобретает философско-теоретическое выявление исходных парадигм (посылок) наук о человеке, антропологического обоснования моральных ценностей, реалистического учета и раскрытия возможностей (восхождение) человека в новом типе культурного творчества, экологического измерения человека. Все это и является действенной попыткой философско-методологического конструирования, становящейся постантропологической парадигмой в понимании «Мира человека» нового формата XXI в., лейтмотивом которой может выступать принцип полипарадигмальности как путь к некой онтологической целостности (в науке, культуре, образовании, экономике, политике и т. д.).

Философско-антропологический интерес к анализу мира человека нового формата в русле проблемы смыслоутраты в культуре XXI в. значим потому, что он не проводился в русле идей полипарадигмальности в достаточно широком и систематизированном виде. Интерес значим и тем, что с обращением к этой метафизической проблематике философская антропология получает возможность выхода в свое прагматическое измерение и, что наиболее значимо, к путям раскрытия мира человека в качественно новых для него условиях.

Обозначенные аспекты актуальности феномена «Мир человека» позволили сформулировать *проблему*, которая заключается в поиске базовых смыслов бытия человека в постантропологическую эпоху и путях преодоления антропологического кризиса культуры смыслоутраты XXI в. в целом. Инновационная постантропологическая парадигма исследования «Мира человека» открывает возможности для полноценного метанаучного синтеза философско-методологических оснований философской антропологии. Особенно значимым данная тематика видится и для политического и педагогического научного дискурса в целом. Таким образом, цивилизационные изменения в России могут быть исследованы на качественно иных философско-методологических основаниях, позволяющих по-новому понять смысл и предназначение человека XXI в.

Библиографический список

1. Крылов И.М. Синергетика как этап становления научной философии. URL: [http://www. synergetic.ru](http://www.synergetic.ru).
2. Делез Ж. Платон и симулякр. Томск, 2009.
3. Сигнаевская О.Р. Культурно-антропологические смыслы политического и образовательного пространств в информационную эпоху: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2011. 235 с.
4. Делез Ж. Фуко. М., 1998. С. 217.
5. Руссо Ж. -Ж. Избранные произведения: В 3 т. М., 1961.

УДК 334
ГРНТИ 06.75

Н.Г. Фонова
УГЛТУ, Екатеринбург

**РАЗВИТИЕ ПАРТНЕРСТВА В ОБРАЗОВАНИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ**

В статье исследуются качественные изменения, происходящие в современной системе российского образования. Речь идет о союзе государства, профсоюза и работодателя, который является чрезвычайно перспективным. Рассматриваются возможные преимущества и минусы такого союза, а также накопленный опыт ряда стран Европы. В качестве решения проблемы предлагается внедрение эффективного контракта.

Ключевые слова: партнерство, трипартизм, эффективный контракт, высшее образование.

Современный университет все больше превращается в бизнес-модель корпорации. Принцип найма работников, т. е. профессорско-преподавательского состава, аналогичен найму работников крупных корпораций. Этот процесс охватывает последние 20 лет. Связано это, во-первых, со стремлением руководства университета минимизировать издержки и, во-вторых, с желанием получить преданных и зависимых работников. Достичь это возможно за счет неполной занятости, разделив общество на две категории.

1. Категория людей, главной целью которых является увеличение собственного богатства. В основном это страны, где богатые обладают диспропорциональной долей экономических богатств. Эту категорию называют плутономия.

2. Категория людей, которая не имеет социальной защиты – прекариат. Этот термин был введен британским экономистом Гаем

Стэндингом. Термин спорный, однозначного признания не получил. В российской научной среде идут оживленные дискуссии по поводу трактовки этого термина [1].

Согласно различным точкам зрения, представители прекариата – это множество необеспеченных граждан, живущих у черты бедности, имеющих непостоянный заработок, без всяких ожиданий относительно профессионального роста. Прекариат – масса разочарованных молодых людей с образованием, которые не знают, что их ожидает завтра; временно или постоянно нетрудоспособных и мигрантов; женщин, сталкивающихся с жестоким обращением на депрессивной работе. Они, в отличие от полноценных граждан, являются просто «обитателями», чей круг социальных, культурных, политических и экономических прав значительно урезан [2, с. 7].

Экономически появление прекариата стало возможно с появлением и развитием таких процессов, как лизинг и аутсорсинг, связанных с привлечением внештатных сотрудников и более дешевой рабочей силы из бывших социалистических стран и Китая. Эти процессы изменили отношение работодателей и законодателей к налоговым льготам, субсидиям и дешевым кредитам, следствием чего явилось существенное уменьшение оплаты труда в Европе.

Прекариат можно условно разделить на три группы. Первую представляет пролетариат в классическом, марксистском понимании, т. е. те, кому нечего терять; более того, они лишились даже того, что имели совсем недавно. Они внимают неофашистским, националистским лозунгам. Вторая группа – это практически люмпен-пролетариат, самая уязвимая и подверженная манипуляциям разного рода политиков часть населения. Сюда Гай Стэндинг относит мигрантов, меньшинства, женщин. К третьей группе относятся образованные молодые люди, получившие образование с надеждой на благополучную жизнь в дальнейшем. В результате они получили более дорогую жизнь и отсутствие надежды на карьерный рост. У этой группы также есть основания озлобиться и невзлюбить существующую власть [3]. Эта группа, среди других участников партнерских отношений в образовании, составляет предмет интереса данной статьи.

Прекариат отличается следующими особенностями.

Во-первых, характеристикой производственных отношений. В силу отсутствия гарантий и уверенности в завтрашнем дне большую часть времени они расходуют на работу. Также ими потеряно ощущение профессиональной принадлежности. Это люди, постоянно меняющие работу.

Во-вторых, этой группе присущи особые отношения распределения. Представители прекариата не надеются на помощь государства, не ждут от него социальных гарантий. Их единственный доход – прямое денежное вознаграждение за труд, если им повезет.

В-третьих, прекариат не выстраивает гражданских отношений с государством. Прекарии в основной массе лишены гражданских прав.

Отличают эту социальную группу три характерные черты – лишение прав, гарантий и профессиональной идентичности. К сожалению, в состав этой группы все чаще вливаются и образованные люди, работники вузов.

В политэкономическом аспекте с позиции работника проблема прекариата представляет следующие трудности:

- почти полный отказ со стороны работодателя от каких-либо прав и гарантий, даже при непредвиденном увольнении или тяжелой болезни;

- представители прекариата практически не обращаются к профессиональным сообществам – их положение и так неустойчиво, а спор с работодателем несет в себе серьезные проблемы;

- напряженность труда подобных работников усиливается.

Полностью содержать себя или семью за неполный рабочий день невозможно, в результате приходится сочетать несколько видов деятельности. Таким образом, если суммировать, работать придется те же 40 или даже больше часов, только не на одного собственника, а на нескольких, даже при практически полном отсутствии трудовых прав.

Выгоды с позиции работодателя следующие:

- руководителям удобны подчинённые, не имеющие прав и социальных гарантий, поэтому вакансии для незанятых возрастают, а для штатных работников – снижаются;

- работодателям необходимы штрейкбрехеры, они держат постоянных работников в тяжелом напряжении, т. к. они должны все время чувствовать за спиной угрозу того, что их место сразу же займет другой, который не будет отстаивать свои права, требовать оплачиваемого отпуска или больничного;

- в то же время безработные несут в себе определенную опасность для работодателей, т. к. в любой момент могут склониться в сторону экстремизма. Управлять ими можно двумя способами: кнутом и пряником – сдерживая насильственно любой взрыв недовольства и прибегая к различного рода подачкам, позволяющим уменьшить степень недовольства до социально-приемлемого уровня.

Таким образом, этот способ организации труда дает возможность получить «два в одном» – наёмного работника, подвергаемого эксплуатации, и безработного, которым можно манипулировать.

Столь подробный анализ такого феномена, как прекариат, в данной статье, вполне объясним тем, что образование является элементом социально-политической системы, управление которой все более становится похожим на менеджмент корпорации. По отношению к работникам вузов культивируется та же корпоративная бизнес-модель, с теми же принципами в основании – наем на часть ставки, по совместительству, на почасовую форму оплаты, т. е. применяется тот же прекарный труд. В результате по этому принципу в вузе работают в основном люди пенсионного и предпенсионного возрастов, имея по 0,25 ставки и бегая по разным вузам. Несмотря на господствующую тенденцию к сокращению труда совместителей, вузы вынуждены прибегать к их услугам, так как еще с конца 1990-х г. стали активно проявляться отрицательные последствия бездействия государственных органов по решению проблем научных учреждений. Следствием чего явилось неминуемое сокращение количества ученых, занятых в науке, а также преподавательских кадров. Другая сторона, усиливающая проблему, – это рост армии учебно-вспомогательного персонала (УВП). Доля учебно-вспомогательного персонала в общей численности работников высшей школы составляет 60 % или в абсолютном выражении 400 тыс. [4].

Следствием этого перекоса является снижение контакта между педагогом и студентом: преподаватели, которые чрезмерно загружены, но все равно вынуждены едва выживать, и студенты, интуитивно чувствующие безразличие преподавателей.

На наш взгляд, возможны следующие пути решения этой проблемы:

- 1) правовая защита частично занятых, предоставление им тех же прав, что и работающим полный день;
- 2) при появлении правовой защиты фирмы, которые занимаются наймом на неполный рабочий день, сами исчезнут;
- 3) одно из постоянных требований профсоюзов – уменьшение рабочего времени при сохранении уровня оплаты труда;
- 4) развитие партнерских отношений.

В современных развитых странах формирование системы образования и выработка образовательной политики обязательно связаны с партнерскими отношениями. Актуальность социального партнерства в образовательной среде необходима.

Европейские страны с конца 1980-х гг. используют социальное партнерство как инструмент согласования трудовых отношений. Жесткая неприязнь между трудом и капиталом сменилась состязанием, а затем и социальным диалогом сторон. Создавались модели партнерских отношений на основе укрепления гражданского общества и формирования социального государства. Происходило перераспределение общественного продукта благодаря реформированию фискальной системы. Через социальные программы направлялись средства для увеличения занятости, обеспечения органов социальной защиты, пенсионного фонда, образования. Европейский опыт развития социально-трудовых отношений позволяет сделать вывод о том, что социальное партнерство было выбрано ведущей формой взаимоотношений всех участников трудовой деятельности.

Иначе этот процесс происходил в России. На смену патриархальным шефским отношениям в образовании пришли новые формы отношений – учреждались консультативные и координационные советы, но они мало что изменили. Партнерство насаждалось сверху как инструмент концепции модернизации, воспроизводящий западный опыт, не учитывая особенностей страны и мировой опыт.

В 1990-х гг. на северо-западе России был инициирован эксперимент по развитию партнерских отношений снизу – на локальном отраслевом уровне [5]. Но и сегодня в сфере образования не существует сложившейся системы партнерских отношений. Российский бизнес пока не готов разделить ответственность за снижение социальной напряженности общества и занят лишь решением задач накопления капитала. Другой ответственный субъект партнерства – общественные организации, в том числе и профсоюзы. В системе образования они бедны и инертны.

В образовании, так же как и в прочих сферах деятельности, в основе партнерства лежит соглашение трех основных сторон – государства, профсоюза и работодателя. Оно получило название *трипартизм*.

Социальное партнерство в сфере образования призвано решать следующие функции:

- является гарантом стабильности сферы образования;
- создает условия для развития инновационной деятельности в вузе благодаря созданию партнерских соглашений с бизнесом;
- выступает механизмом оптимизации принятия решений;
- формирует взаимный интерес всех партнеров-участников процесса.

На сегодняшний день в мире существуют три модели социального партнерства.

Первая модель в большой степени патерналистская, т. к. велика роль государства в координации трудовых отношений. Эта модель развита в странах Северной Европы (Финляндия, Швеция, Бельгия, Норвегия, Нидерланды). Она состоит из трех уровней: государственного, отраслевого и корпоративного. Для этих стран характерна поддержка государства через создание Национальных советов по труду, где в равных долях представлены все заинтересованные стороны. Эти Советы выступают в качестве совещательного и консультативного органа правительства, могут проводить консультации на высоком уровне. Также создаются под патронажем правительства коллективные (паритетные) комиссии на отраслевом уровне.

Вторая модель представляет собой очень разнообразный ансамбль. Это страны американского континента (от Канады, США до стран Латинской Америки), Япония, развивающиеся страны, а также некоторые африканские государства, тяготеющие к Европе. В этой модели присутствует только корпоративный уровень или уровень предприятия. Эти государства не практикуют партнерство на региональном и отраслевом уровнях. Правда, предпринимательские объединения и общенациональные профсоюзы принимают участие в законотворчестве по поводу выработки общей государственной политики в области трудовых отношений. Их деятельность ограничивается формированием общих решений в партнерстве, а не участием в коллективных договорах. Их влияние на переговорный процесс ограничивается рекомендациями работодателям.

Третья модель представляет собой нечто среднее между первыми двумя и характерна для европейских стран. Профсоюзы, союзы предпринимателей и правительство действуют на уровне коллективных консультаций, иногда удается сформировать общенациональные договоры по некоторым вопросам социальной политики. В разных европейских странах модель имеет свои особенности. Немецкая модель, например, отличается тем, что создается совет предприятия, который вместе с работодателем разрабатывает производственные соглашения, а как таковой коллективный договор на предприятии отсутствует.

Российская практика тяготеет больше к первой модели, где государство является главным генератором партнерских отношений. Вторая модель также представлена в структуре партнерства. Пожалуй, отношения партнеров на уровне предприятия являются наиболее перспективными.

Учитывая сложившуюся ситуацию и возможные ее последствия, государство предлагает новые механизмы партнерства в образовании – эффективный контракт.

Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» предписано Правительству РФ обеспечить к 2018 г. средней заработной платы преподавателей образовательных учреждений высшего профессионального образования и научных сотрудников до 200 % от средней заработной платы в соответствующем регионе [6].

Эффективный контракт с экономической точки зрения предполагает создание взаимовыгодных отношений для всех участников производственного процесса. В сфере законодательства этот термин не употребляется, а в этой сфере специалисты оперируют понятием «трудовой договор». Тем не менее с позиции юридической эффективный контракт можно рассматривать как договор, где досконально и подробно определяются позиции сторон в части регулирования трудовой деятельности, способствующий улучшению качества работы, с одной стороны, и росту материального благосостояния субъектов договора, – с другой. Эффективный контракт активно обсуждается обществом и находится под пристальным вниманием Правительства РФ. Правда, дело пока ограничивается простой констатацией. Определение эффективного контракта дается в Государственной программе РФ «Развитие образования» на 2013–2020 гг.

Под эффективным контрактом понимаются трудовые отношения между работодателем (государственным или муниципальным учреждением) и работниками, основанные:

- на наличии у учреждения государственного (муниципального) задания и целевых показателей эффективности работы, утвержденных учредителем;

- системе оценки эффективности деятельности работников учреждений (совокупности показателей и критериев, позволяющих оценить количество затраченного труда и его качество), утвержденной работодателем в установленном порядке;

- системе оплаты труда, учитывающей различия в сложности выполняемой работы, а также количество и качество затраченного труда, утвержденной работодателем в установленном порядке;

- системе нормирования труда работников учреждения, утвержденной работодателем;

- подробной конкретизации с учетом отраслевой специфики в трудовых договорах должностных обязанностей работников, показате-

лей и критериев оценки труда, условий оплаты труда. Трудовые отношения между работодателем и работниками, включая установление заработной платы, формализуются при заключении трудовых договоров.

В программе формулируются принципы эффективного контракта:

- определение должностных обязанностей работника;
- уточнение показателей и критериев эффективности, их измеримость;
- установление величины вознаграждений, стимулирования за достижение общих результатов труда;
- регулярное осуществление сбора и анализа информации по мотивации персонала;
- выстраивание гибкой системы мотивации, учитывая ожидания и ценности всех категорий персонала;
- создание условий для доступа к информации о принципах распределения вознаграждения;
- эффективное нормирование труда. Сегодня существуют большие проблемы с нормированием труда в системе высшего образования. В соответствии с приказом Минобрнауки РФ № 2075 от 24 декабря 2010 г. «О продолжительности рабочего времени (норма часов педагогической работы за ставку заработной платы) педагогических работников» регламентируется только продолжительность рабочего времени – 36 часов в неделю для работников из числа профессорско-преподавательского состава. Установление затрат живого труда в вузах сегодня затруднительно в силу слабой регламентации педагогического и управленческого труда, невозможности её четкого осуществления в рамках педагогических процессов и в науке; отсутствия в штатах управления вузом специалистов, способных проводить мероприятия по нормированию труда [7].

Главная задача при введении эффективного контракта – добиться максимальной отдачи от труда каждого работника. Для этого разумно привести в соответствие классификацию персонала в системе высшего образования.

Российские вузы используют следующую классификацию персонала: научно-педагогический (профессорско-преподавательский состав, научные работники), инженерно-технический, административно-хозяйственный, производственный, учебно-вспомогательный и иной персонал [8].

Организационная структура российского образовательного учреждения сформирована таким образом, что соотношение между количеством преподавателей и количеством студентов по дневному обу-

чению составляет 1:10 [9]. На основании этого норматива определяется фонд заработной платы ППС и определяет фонд оплаты труда других категорий работников. В методических рекомендациях по расчету потребности учреждения высшего профессионального образования в бюджетных средствах указано, что расчет фонда заработной платы учебно-вспомогательного персонала (УВП) осуществляется исходя из процента данной категории работников по отношению к численности ППС. В среднем он составляет 35 %. Поэтому для расчетов обычно принимает фонд окладов УВП на уровне 40 % от фонда окладов ППС (с целью сразу учесть возможные колебания в части структуры УВП). Расчет фонда заработной платы хозяйственного персонала осуществляется на основе расчета расхода заработной платы для обслуживания 1 м² площади, используемой учебным заведением.

*Критерии для оценки труда различных групп
учебно-вспомогательного персонала (первая группа критериев)*

Заработная плата административно-управленческого персонала по должностным окладам определяется обычно как 10 % от суммарного фонда должностных окладов ППС, УВП и хозяйственного персонала [9]. Данную норму соотношения можно использовать при расчете численности кадрового резерва по группам. Группы необходимо формировать с учетом особенности структуры персонала образовательного учреждения.

Таким образом, в основу нормирования труда персонала должны быть положены:

- специфическая классификация персонала, для этого следует изучить имеющийся мировой опыт;
- нормы управляемости и нормы соотношения, которые учитываются при расчете персонала.

Кроме нормативного подхода, оплата труда ППС и УВС должна зависеть и от эффективности их деятельности. Оценить труд УВС возможно, используя следующие критерии:

- следование распорядку работы (отсутствие опозданий, несанкционированных и нерациональных случаев нарушения рабочего графика, несвоевременное завершение рабочего дня);
- наличие профессиональных компетенций, степень выполнения должностных обязанностей (отсутствие замечаний/нареканий со стороны руководства, студентов, представителей сторонних организаций);
- инициативное участие в работе;

- выполнение работы сверх поставленных задач и функциональных обязанностей;
- толерантность и уважение к коллегам, студентам и другим заинтересованным сторонам (отсутствие жалоб, наличие благодарностей);
- способность применять в работе современные технологии;
- здоровый образ жизни и его пропаганда (количество дней, пропущенных по нетрудоспособности).

Труд ППС в образовательных учреждениях включает оплату трех видов деятельности: научную, педагогическую и организационно-воспитательную работу.

Тема роли и содержания эффективного контракта дискуссионна. Для ППС в разных учебных заведениях он должен быть сравним по сложности, но не допустим шаблонный подход. В контракте должны отражаться сильные стороны, которые контракт поможет реализовать каждому сотруднику. По мнению экспертов РАН, в вузе возможно применять и коллективные варианты эффективного контракта, в этом случае группа выполняет один проект, контракты же заключаются разные. Они могут отличаться и для разных сфер науки.

Очевидно, что при составлении каждого эффективного контракта важно найти правильный баланс целей, чтобы интересы вуза не были помехой интересам учёного-исследователя, а были взаимовыгодны.

Внедрение эффективного договора носит поэтапный характер. Начать следует с большей конкретизации компенсационных и стимулирующих выплат:

- для компенсационных доплат определяются следующие параметры: название выплаты и условие, дающие возможность получения выплаты;
- для стимулирующих надбавок пять показателей: обоснование получения надбавки, показатели и критерии эффективности деятельности, частота и величина надбавки.

Таким образом, системе образования в ближайшее время необходимо решить непростые задачи, без решения которых продуктивное развитие этой сферы невозможно:

- отход от формализации в оплате труда, новые показатели должны иметь измеримые параметры;
- закрепление за стимулирующей частью функции вознаграждения за исключительные показатели. Она не может быть гарантированной, как ранее 13-я заработная плата.

– осуществление технического и экономического прогресса невозможно без активного вовлечения в процесс трудовой деятельности мотивированного работника, способного осуществлять оценку, творческий анализ информации, не выступая при этом источником напряженности в обществе. Значение образования как важного позитивного фактора создания экономики знаний усиливается соразмерно росту стоимости человеческого капитала, составляющего в цивилизованных странах 70–80 % национального богатства. Уровень образованных работников является показателем развитости общества. Если в индустриальном обществе достаточным является 20 % уровень работников, имеющих высшее образование, то в информационном обществе он должен составлять не менее 80 % [10].

Эффективный контракт нацелен на обеспечение такого уровня оплаты труда ППС, который позволяет конкурировать с другими отраслями экономики. Размер зарплаты предлагается увязывать с размером, напряженности и уровнем выполненной работы. Зафиксированные в договоре показатели увязываются с общей концепцией образовательной организации.

Итак, при оценке труда ППС необходимо решать многоплановые задачи:

– исключение непродуктивных стимулирующих доплат за формальные показатели, которые предполагают осуществление прямых должностных обязанностей (например, добросовестное выполнение трудовых обязанностей), и привлечение показателей, затрагивающих конкретные измеримые параметры;

– формирование эффективного, с позиций принципов оплаты труда, распределения ФОТ на гарантированную часть (за выполнение должностных инструкций) и стимулирующую часть (за совершенствование показателей качества, результативности), т. е. обеспечение справедливой дифференциации в оплате труда.

Пока внедрение в вузы эффективного контракта вызывает большие затруднения. Положительных результатов от его введения в литературе пока недостаточно. Среди пионеров можно назвать Томский государственный университет, Тюменский государственный нефтегазовый университет, Московский государственный университет экономики, статистики и информатики.

Таким образом, решение проблемы повышения эффективности труда работников системы высшего образования, на наш взгляд, заключается в обеспечении гарантий и усилении социальной защищенности труда. Развитие партнерских отношений способствует форми-

рованию новой образовательной политики, целью которой является решение обозначенной проблемы. Одним из инструментов механизма взаимодействия является эффективный контракт.

В условиях коммерциализации высшего образования, введение эффективного контракта позволит внедрить систему методов оценки труда работников, основанную на партнерском взаимодействии всех субъектов этого процесса. Новые условия должны быть доведены до сведения сотрудников и закреплены как в основном контракте, так и в дополнительном соглашении.

Библиографический список

1. Прекариат – модный термин или реально нарождающийся класс общества? URL: <http://kpfu.ru/prekariat-ndash-modnyj-termin-ili-realno-74495.html> (дата обращения 17.04.2015).

2. Стендинг Г. Прекариат. Новый опасный класс: монография. М.: АдМаргинем, 2014. 328 с.

3. Прекариат начинает организовываться. URL: <http://rusplt.ru/policy/prekariat.html> (дата обращения 15.04.2015).

4. Оплата труда преподавателей и руководителей вузов. URL: <http://www.pro-personal.ru/journal/744/308508/> (дата обращения 21.04.2015).

5. Пруель Н.А. Образование как общественное благо. СПб., 2001.

6. Пугач В.Ф. Российское студенчество: статистико-социологический анализ. М., 2001.

7. Указ Президента РФ от 07.05. 2012 № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» // Российская газета. 2012. № 5775.

8. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 24 декабря 2010 г. № 2075 г. Москва «О продолжительности рабочего времени (норме часов педагогической работы за ставку заработной платы) педагогических работников».

9. Постановление Правительства Российской Федерации от 5 апреля 2001 г. № 264 «Об утверждении типового положения об образовательном учреждении высшего профессионального образования (высшем учебном заведении) Российской Федерации» // Российская газета. 2001. № 80 (2692).

10. Методические рекомендации по расчету потребности учреждения высшего профессионального образования в бюджетных средствах // Университетское управление. 2002. № 3. С. 64–67.

РАЗДЕЛ 2

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

УДК 130.2
ГРНТИ 02.61.25

О.Н. Новикова
УГЛТУ, Екатеринбург

ИГРОВЫЕ ПРАКТИКИ И ДЕКОНСТРУКЦИЯ ЖИЗНИ

В статье рассматриваются особенности жизни человека в контексте играизации современного общества. Формирование современных реалий на игровых технологиях способствует созданию жизненных стратегий, с одной стороны, выделяющих индивидуальность, а с другой, – нивелирующих ее. Игровые практики – способ адаптации, самореализации и самопрезентации индивида, отображающий аксиологические координаты жизни.

Ключевые слова: игровые практики, самореализация, самопрезентация, деконструкция.

Экзистенциал современного человека базируется на информационных технологиях, где обилие информации, содержательное нивелирование ее социальной и нравственных сторон приводит к дестабилизации самого понимания жизни. Утраченные устойчивые аксиологические координаты жизни сформировали «культуру переизбытка», разворачивающуюся в феномене «хеппенинга» как нарочито абсурдного маскарадного действия.

Деконструкция жизни как переосмысление старого, нововидение нечто отличного от предыдущего, внедряется в современное жизненное пространство человека через феномен играизации. Впервые данный термин в отечественной науке был введен Л.Т. Ретюнских, трактующей данный феномен как «проникновение различных элементов игрового мира в другие сферы бытия»*. Мир соблазняет индивида возможностями изобилия товаров и услуг. Реальность жить в кредит (финансовый, социальный, антропологический) формирует желание удовлетворенности, которое никогда не будет достигнуто в силу постоянного спецэффектного действия в кино, на телевидении, реклам-

* Ретюнских Л.Т. Философия игры. М.: Вуз. кн., 2002. С. 162.

ных плакатах, новых скоростях движения и жизни, избытка разных, одновременно предъявленных смыслах человеческого существования.

Человек старается вжиться в образы, навязанные ему рекламным продуктом, он стремится соответствовать неким данным визуальным символам, постоянно подстраиваясь под них, создавая искусственно-го себя.

Медиазация жизни начинается с детства через распространение гиперисторий («Лунтики», «Смешарики», «Маша и медведь», «My little Pony» и др.). Причем стоит отметить, что современные сказочные персонажи лишены нарочито положительных или отрицательных качеств. Они изначально не подразделяются на героев и злодеев. Так создается новая картина мира, где важна не борьба добра со злом, а противоречие возникает из-за недопонимания многообразия мотивов и целевых установок. Современные герои комиксов, мультфильмов, видеоигр решают «взрослые проблемы», используя приемы, технологии и коммуникацию взрослых. Так ускоренными темпами реальность готовит детей к быту взрослых.

Все современные игры прежде всего являются тренажерами для выхода из рискованных социальных ситуаций, усвоения принятых установок (правила дорожного движения, распространения коммуникативной модели поведения, принятых стандартов и норм).

В образовательной практике игра всегда присутствовала в том или ином виде. Но сегодня развивающая игровая среда постепенно вытесняет традиционный образовательный курс. Игра, представленная в виде ролевых имитационных, деловых и образовательных практик, позволяет развивать социальные навыки, формировать стратегию будущего. Так меняется жизненная установка – «Жизнь есть труд и игра».

Обществом принята установка, что игра самоцельна, самодостаточна и необременительна по затраченным ресурсам, так как она независима от материального результата. Игра, развлекающая, учит, не ставит оценок, не несет по своей сути глобальных катастроф. Она противостоит труду как деятельности, заинтересованной в качественном конечном продукте. Но практика свидетельствует, что грань между игровой и трудовой деятельностью почти стерлась (использование симуляторов в инженерном, проектном творчестве, для отработки навыков вождения, медицинской помощи, промышленности, энергетике и т. д.). Работа все чаще приобретает черты игрового мира (конкурентная, соревновательная борьба между сотрудниками одной компании, мотивационная установка в краудсорсинг и т. д.). Известны

случаи применения игры в науке. Например, для решения проблемы сворачивания структуры белка сотрудники Вашингтонского университета запустили на своем сайте онлайн-головоломку о сворачивании белка Foldit (2008). И в 2011 г. за две недели игроки сумели раскрыть загадку, решением которой занимались ученые в течение пятнадцати лет, приблизившую современную науку к выявлению проблемы борьбы со СПИДом.

Любое событие, реальность жизни интересны только как факт зрелища, когда у человека под влиянием воздействия на него разнотипного спектакля возникает ощущение сопричастности, реальной включенности в заданный акт бытия. Само бытие становится симулякр, игрой в подражание настоящему, ценному, через стремление к бытованию по заданным стандартам, канонам массовой культуры, базирующимся на креативности и замещении реальных героев на экранные образы (подражание кумирам, деятелям искусств, политикам, шоуменам и т. д.). Человек начинает играть в другие жизни, идеальная модель которых представлена в телешоу – «Кулинарный поединок», «Едим дома», «Пока все дома», «По домам» и т. д. Индивиду навязывается образ жизни и бытования других успешных людей, жизнь которых становится моделью, основой для подражания.

Транспозиционность современного общества не только упразднила антагонизмы, но прежде всего создала искусственный мир, в котором стираются мужское – женское, прекрасное – безобразное, великое – малое, черное – белое и т. д. Огромное количество людей, совершенствуя свою природу, реализуют себя в культуре транссексуалов, бодибилдинга, татуажа, пирсинга и т. д. Это их путь идентификации себя, демонстрации миру своих нереализованных желаний и потребностей.

Увлечение чем-либо предполагает усвоение не только конкретных действий, но и погружение в философию занятия, так широко внедрились в повседневность философия еды, здоровья, досуга, интересов, на базе которых и создается личная философия жизни каждого, сочетающая прямо противоположные ценности.

Современник наполняет свою жизнь разными знаками, символический смысл которых утрачивает свое начальное содержание. Культура постмодерна наполнена разными, подчас противоречивыми символами, кодами, стилевыми решениями, эстетическими формами жизни. Нередко в повседневности можно увидеть молодых людей, в атрибутике украшений которых сочетаются христианский крест на шее, большое количество фенечек на запястье (наследие языческих

оберегов), массивные украшения, стилизованные под средневековую культуру, и ювелирные изделия в стиле хайтек. Современная мода эклектична, так как она провозглашает стиль одежды, связывающий воедино формы и направления разных эпох. Сознательное нарушение правил в одежде, сочетание роскоши и скромности, восточного и западного мира, старого и нового и формируют повседневный облик индивида, желающего через внешнюю атрибутику идентифицировать себя миру, через броскость и экстравагантность образа.

Так, увлеченность европейцами таинственностью и красочностью восточного мира в повседневной жизни (йога, фен-шуй, тенсегрити, тай-цзы, цигун и др.) пронизано симуляцией, ведь как правило данные техники и технологии предъявляются не в системном, а обрывочном, сжатом и неполном виде. Индивиды играют в восточный мир, используя его символы и знаки, подчас замещая или подменяя саму первоначальную сущность и значение понятия.

Все большую популярность в современной жизни приобретают реальные квесты, новый вид командного развлечения, предъявляемого через включение в интерактивные истории себя в качестве главного героя. Данное времяпровождение как-бы переносит тебя из повседневности в мир фантазии, компьютерный мир, наполненный реальными осязаемыми предметами. Путешествие и обследование по квестовому миру («Казематы», «Тайна агента КГБ», «Турецкий гамбит», «Тайна кабинета профессора» и т. д.) строится на решении сложных головоломок и умственных задач, цель которых выйти из комнаты, в которой ты заперт, отыскав все тайники, используя найденные артефакты и подсказки. Команде дается, как правило, шестьдесят минут для открытия победной двери. Обилие эмоций, демонстрация своих возможностей, действия в экстремальных искусственных ситуациях и задают успех данных нововведений.

Безусловно, использование игровых приемов в повседневности, с одной стороны, мотивирует на активную жизненную позицию, но, с другой стороны, подчас уносит в ирреальность, что проявляется в потере физической связи с миром. Применяемая в совершенствовании, постоянном самообразовании как бесконечная стратегия изменения себя, формирует легковесную ответственность перед обществом, ведь в игровых практиках ошибка всегда корректируется. Восприятие жизни как игры уводит от настоящего, реального, деконструируя бытие, провозглашая его эпохой тотальной игры.

УДК 80
ГРНТИ 17.09.91

В.Б. Петров
УГЛТУ, Екатеринбург

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АКСИОЛОГИИ

Рассматриваются историко-философские основания аксиологического подхода к изучению литературных явлений. Художественная аксиология в качестве ключевого звена литературоведческого исследования позволяет не только выявить внутренние закономерности той или иной писательской индивидуальности, оценить его роль и значение в истории культуры, но и опосредованно отразить основные тенденции социального развития.

Ключевые слова: ценности, художественная аксиология, литература, философия, литературный процесс, творческая индивидуальность.

В конце XX в. литературоведение закономерно пришло к «концептуально-философскому» осмыслению литературного процесса. Одной из первых обратила внимание на эту закономерность И.Л. Галинская, по мнению которой успехи современного литературоведения «оправданно связываются в последнее время с плодотворным изучением философских аспектов художественных произведений» [1, с. 5]. Еще более остро эта проблема была поставлена в статье В. Куницына и В. Лекторского, которые считали, что «великая традиция русской культуры» состоит «в неразрывном союзе философии и литературы», нарушение которого «пагубно сказывается как на развитии философии, так и на качестве литературы» [2, с. 3]. Тем более справедливой представляется суждение В. Агеносова о том, что талантливые русские писатели «по сути, создавали глобальные художественно-философские системы...» [3, с. 12]. Достаточно вспомнить Ф. Достоевского и Л. Толстого, А. Платонова и Л. Леонова, Вл. Соловьева и М. Булгакова. Растворенная в сюжетах и конфликтах, в мотивах и образах система ценностей художников является тем нравственно-эстетическим ориентиром, который дает возможность увидеть их творческие искания во всей многогранности и полноте. В этом случае справедливо говорить о художественной аксиологии, под которой мы понимаем не просто систему ценностей, но опосредованное отражение этико-эстетических представлений писателя в художественном творчестве (по аналогии с понятием «художественный мир»).

Ценностные ориентиры являют собой специфическое средство управления творческим процессом. «Художественному чувству непосредственно открывается в форму ощутительной красоты то совершенное содержание бытия, которое философией добывается как истина мышления, а в нравственной деятельности дает о себе знать как безусловное требование совести и долга» [4, с. 287].

Аксиология как наука в своих составляющих (этике, эстетике, гносеологии) складывалась на протяжении тысячелетий. В истории следует выделить два подхода к пониманию природы ценностей, которые условно можно обозначить как объективный и субъективный. В классической метафизике в соответствии с ее методологическими установками (дихотомия субъекта и объекта, сущности и явления) ценности рассматривались как объективные сущности, выражающие собой предельную степень совершенства и служащие предметом и целью человеческих стремлений, однако существующие независимо от них. Такова идея Блага в объективном идеализме Платона; понятия Истины, Добра и Красоты в этическом рационализме Сократа; Абсолютная Истина в панлогизме Гегеля. Онтологические и аксиологические аспекты здесь еще не были расчленены, поэтому бытие и ценность выступали как феномены тождественные. Так, платоновские идеи – это не только мир истинно сущего бытия, но и высшая ценность. То же самое можно сказать о религиозных ценностях: например, христианский Бог воплощает одновременно истину бытия и высшую ценность.

Взаимосвязь этического и эстетического подчеркивал Аристотель, для которого прекрасное – это все то, «что, будучи желательно само по себе, заслуживает еще похвалы, или что, будучи благом, приятно потому, что оно благо» [5, с. 43]. В то же время Аристотель предпринимает попытку развести категории нравственного и эстетического: «благое и прекрасное не одно и то же (первое всегда в действии, прекрасное же – в неподвижном...)» [6, с. 326]. В Средние века нравственное и эстетическое рассматривались как проявления единосущного бога. Причем эстетическое сводилось к религиозно-этическому. В эпоху Возрождения тоже подчеркивалась связь прекрасного и нравственного (М. Монтень). Философы Нового времени (И. Кант) считают, что в искусстве идеал человека «состоит в выражении нравственного» и что «прекрасное есть символ нравственно доброго» [7, с. 240, 375]. Вместе с тем И. Кант (вслед за Аристотелем) уже разграничивает Добро и Красоту на основе принципа целесообразности (красота – целесообразность формальная, добро – целесообразность внутренняя).

Исходным пунктом развития аксиологии как науки «послужило кантовское противопоставление теоретического и практического разума», «признание автономии и примата практического разума по отношению к теоретическому» [8, с. 30]. И. Кант обратил внимание на естественную связь аксиологии и культуры и первым в истории философии использовал понятие ценности, «сделав «моральный закон в нас» условием сохранения интеллектуальной честности» [9, с. 214]. По мнению И. Канта, «общественная ценность человека» и составляет основу культуры [10, с. 11]. Для И. Канта сферы свободы как нравственного творчества человека и необходимости как природных закономерностей неизбежно противостоят друг другу. При этом ценности, с его точки зрения, представляют собой предъявляемые к воле действующего субъекта специфические требования, наиболее общие из которых имеют априорный, трансцендентальный характер.

Неокантианская философия (Р. Лотце, В. Виндельбанд, К. Риккерт, Ф. Шеллинг) колебалась в интерпретации природы ценностей между «априористическим трансцендентализмом» И. Канта и трансцендентализмом философских учений платоновско-неоплатоновского толка. Эти колебания до некоторой степени оказались свойственны многим представителям философии русского космизма (Н. Федоров, Вл. Соловьев, Н. Бердяев, С. Булгаков). Немецкие философы Макс Шелер и Николай Гартман попытались доказать объективную природу самих ценностей.

Создание и разработка Э. Гуссерлем концепции интенциональности позволило определить роль человеческого сознания (а значит, и оценки) в восприятии явлений. В результате в понятии бытия философы стали выделять два элемента: реальность и ценность, благодаря чему аксиология получила права гражданства в качестве самостоятельной области исследования.

Нигилистическое суждение Ф. Ницше («Бог умер») обозначило новую грань рассмотрения проблемы ценностей, когда общезначимые для европейской культуры ценности перестали быть духовным ориентиром в человеческой деятельности. Вслед за А. Шопенгауэром Ф. Ницше провозглашает мнимость высших ценностей надприродного мира. Избрав позицию по ту сторону добра и зла, философ в действительности лишь по-своему оценивает каждую из категорий. Ценности в концепции Ф. Ницше – это отсутствие ограничений свободе воли индивида, хотя основной ценностью для него становится воля к власти.

Термин «аксиология», обозначающий науку о ценностях, был введен в научный оборот сравнительно недавно (1902, П. Лапи), после чего стал активно использоваться в зарубежной философии, психологии, социологии, а затем и других науках. Как справедливо отмечает М. Бахтин, «ни один культурный творческий акт не имеет дела с совершенно индифферентной к ценности материей, но всегда с чем-то уже оцененным и как-то упорядоченным, по отношению к чему он должен занять теперь свою ценностную позицию» [11, с. 44]. В каждой из сфер человеческого существования можно выделить свою высшую онтологическую ценность: в бытии – Жизнь, в религии (вере) – Бога (Абсолют), в нравственности – Добро, в гносеологии – Истину, в искусстве – Красоту, в политике – Мир, в экономике – Пользу и т. д. И хотя древние мыслители уже выделили ценностное триединство (добро, истина, красота), каждая из последующих эпох по своему определяла доминирующий элемент этой триады.

По мнению Вл. Соловьева, эти абсолютные ценности соответствуют ипостасям Святой Троицы, которые в его философии предстают как Дух (субъект и носитель Блага), Разум (субъект и носитель Истины) и Душа (субъект и носитель Красоты). «Благо, истина и красота, – писал Вл. Соловьев, – суть различные образы и виды единства, под которыми для абсолютного является его содержание» [12, с. 103].

Объективным онтологическим противоречием является то, что аксиология, хотя и предполагает императивное решение, всегда дуалистична: идеальное нуждается в существовании антиномичной ценностной пары: добро – зло, красота – уродство, истина – ложь, Бог – дьявол и т. д. На шкале совершенства всегда присутствуют верхний (эталонный, идеальный, недостижимый) и нижний (минимальная граница приемлемого) пределы. Интервал между верхним и нижним пределами представляет собой область функционирования ценностной ориентации.

Особенностью ценностных отношений является то, что в них скрыто преодоление соответствующих антиценностей. Так, прекрасное – это победа над безобразным, человеческая жизнь – над смертью. Ценность жизни – в ее неповторимости, уникальности и... «конечности». При этом смерть, как нечто абсолютно чуждое жизни, является ее условием. А зло соответственно каузально добру. В то же время, по мнению Н. Лосского, «важнейшая задача аксиологии состоит в установлении абсолютных ценностей и преодолении аксиологического релятивизма, утверждающего, что все ценности относительны и субъективны» [13, с. 288].

Русская философская мысль на рубеже веков, испытав в пору своего становления значительное влияние немецкой философии, была ориентирована прежде всего на духовные ценности. «Русский человек страдает от бессмыслицы жизни. Он всем существом ощущает, что нужно не «просто жить», а жить для чего-то» [14, с. 503]. С точки зрения русской философии «жизнь как наслаждение, власть, богатство, упоенность миром и самим собой есть бессмыслица...» [14, с. 573]. Она приобретает подлинный смысл лишь в том случае, когда все ее проявления, вся мирская деятельность человека подчиняются служению высшим ценностям. И в этом случае рождается ощущение назначенности, предстояния, необходимости служения. Именно отсюда берет начало нравственная тревога лучших представителей российской интеллигенции, задающихся извечными вопросами «как жить?», «что делать?».

В отличие от западной философии, которая по преимуществу теоретична и абстрактна, русская философия в своей основе «практична», она не только связана с жизнью (говоря о высших ценностях, обращается и к ценностям земного бытия: любви, милосердию, добру, преданности и т. п.), но и озабочена вопросом: как соответствовать высокому предназначению человека. Вопиющие пороки и несовершенства российской действительности на рубеже XIX–XX вв. требовали реальных усилий по их искоренению. Отсюда и часто вменяемый в вину русскому самосознанию максимализм. Тяготение к абсолюту, бескомпромиссность – следствие ощущения невозможности вынести медленное, постепенное преобразование общественной жизни.

Если поиски смысла человеческой жизни привели западную философию к осознанию экзистенциального одиночества и заброшенности человеческого существования (просматриваются интенции субъективизма и индивидуализма), то русская философская мысль, базирующаяся на характерном для русской ментальности стремлении к всеобщей справедливости, разрабатывает идею Всеединства (отдельная личность представляется в рамках соборности). У Н. Бердяева стремление к единению, обозначенное идеей соборности, предстает в виде духовного единства, которое он именуется «соборным единством», возникающим на основе любви. Кстати, именно любовь, по мнению Вл. Соловьева, обеспечивает внутреннее единство «истинной человеческой индивидуальности» [15, с. 27], и в этом смысле «благо, истина и красота являются лишь различными образами любви» [16, с. 103].

Проблема человеческой духовности стала объектом осмысления и в западной философии (феноменология Э. Гуссерля, философия А. Камю, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера), и в русской философской мысли. Но в отличие от рационалистических западных доктрин, русским философам было свойственно убеждение в существовании высших трансцендентных начал, непостижимым, сакральным образом связанных с отдельной человеческой душой, направляющих, ориентирующих личность в ее реальном, земном существовании. «Духовность в аксиологическом плане обратно пропорциональна степени удовлетворения человека своим наличным бытием. Она вырастает из осознания того, что ценности внешнего предметного мира не могут удовлетворить всех его притязаний и составить смысл его существования, а потому в своем постоянном и неистребимом стремлении превзойти действительность наличного бытия; он интуитивно ориентируется на иные – надприродные духовные ценности, которые составляют необходимую основу и стимул собственно человеческого существования» [17, с. 176].

Несмотря на значимые отличия антропоцентрических учений, русские философы (Н. Федоров, Вл. Соловьев, Н. Бердяев, С. Булгаков) сходятся в одном: именно духовный опыт открывает человеку высшие нравственные ценности, однако наивысшей ценностью мира является сам человек. Так, Н. Бердяев пишет по этому поводу: «Человек – дикий зверь, если он не имеет в себе высших ценностей, не творит их и не подчиняет себя им. Личность только начинается с того момента, когда в ней есть ценное содержание... Личность и ценность – одно» [18, с. 132].

Вместе с тем в учении о личности, по мнению Н.А. Бердяева, «основным является то, что ценность личности предполагает существование сверхличных ценностей», которые «и создают ценность личности» [19, с. 258]. С точки зрения философа, «ценности и в онтологическом плане, и по самому своему содержанию как бы выше индивида: в противном случае они не могли бы быть духовной опорой его бытия» [20, с. 74]. Устанавливая иерархию ценностных категорий, Н. Лосский замечает: «Царство личностей есть область высших абсолютных ценностей... Все остальные абсолютные ценности, нравственное добро, красота, истина, свобода, суть лишь частичные ценности: они имеют смысл только как аспекты жизни личных существ» [21, с. 183].

Итак, в последние десятилетия аксиологический подход к изучению литературных феноменов становится не только основой изуче-

ния феноменологии ценностных систем творческой личности, но и необходимым компонентом осмысления социальных проблем. Историко-философский анализ художественной аксиологии позволяет оценить ее роль в качестве ключевого звена литературоведческого исследования внутренних закономерностей писательской индивидуальности. «Художественное творчество так или иначе причастно к миру ценностей (как эстетических, так и иных). Искусство ориентируется и ориентирует на них (в каждой культурно-исторической ситуации по-своему), постигает и освещает реальность в соотношении с ними». Осмысление ценностных установок отдельных художников дает возможность глубже понять не только их творческие искания, охарактеризовать масштаб их «художественных вселенных», но и основные тенденции социального развития.

Библиографический список

1. Галинская И.Л. Художественно-философские основы и суггестивность литературного произведения: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1985. 303 с.
2. Куницын В., Лекторский В. Логос и муза // Лит. газ. 1988. № 39.
3. Агеносов В.В. Советский философский роман. М.: Прометей, 1989. 300 с.
4. Соловьев В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М.: Книга, 1990.
5. Аристотель. Риторика // Античные риторика. М., 1978.
6. Аристотель. Метафизика // Соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1976.
7. Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 5. М., 1966.
8. Философская энциклопедия: В 5 т. Т. 1. М.: Гос. науч. изд-во «Советская энциклопедия», 1960.
9. Микешина Л.А. Метаморфозы проблемы «когнитивное – ценностное» в философии и методологии науки // Ценностные аспекты развития науки. М.: Наука, 1990.
10. Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1966.
11. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. 191 с.
12. Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1989.
13. Лосский Н.О. Ценность и бытие / Н.О. Лосский // Бог и мировое зло. М., 1994.
14. Франк С.Л. Смысл жизни: Антология. М., 1994. С. 483–583.
15. Соловьев В. Смысл любви. Киев: Лыбидь – АСКИ, 1991. 64 с.
16. Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1989.

17. Фомина З.В. Проблема человеческой духовности: онтологический и аксиологический аспекты: дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 1997. 319 с.

18. Бердяев Н.А. Письма к М.О. Гершензону // Вопр. филос. 1990. № 5.

19. Бердяев Н.А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики. М.: Республика, 1993. 382 с.

20. Панфилов О.М. Ценностные отношения: природа и генезис: дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 1995.

21. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: основы этики. Характер русского народа. М.: Политиздат, 1991. 367 с.

УДК 1 165.212:572.9

ГРНТИ 02.41.41

А.Г. Пудов
ГСХА, Якутск

ВОПРОСЫ РАСШИРЕНИЯ МИФИЧЕСКИ КОНЦИПИРОВАННОГО СОЗНАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ КУЛЬТУР СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ

В статье рассмотрен процесс естественного расширения мифологического сознания, объясняемый процессом его онтологизации символами метафизического характера. При этом происходит явление трансмиграции символов. Вторичные мифологически конципированные символы этнокультуры обретают метафизический характер, а этнокультура таким образом модернизируется.

Ключевые слова: этнос, этнокультура, символы сознания, трансмиграция, этнокультурная модернизация, мифологическое и метафизическое сознание.

Существуют две основные тенденции продления бытия этнической культуры на северо-востоке РФ. Первая консервативная тенденция культивирует духовно-материальную традицию предков, выстраиваемая на нормативизме религиозно-мифологических представлений либо на сохранении традиционных хозяйственных занятий. Последнее рассматривается как единственная возможность сохранения культуры и традиций коренных малочисленных народов Севера и Арктики – эвенов, эвенков, юкагиров, долган и чукчей. Малочисленные народы ратуют за традиционное природопользование, хотя оно может быть основано на интенсивном использовании технологических новаций, в принципе не изменяющих суть занятия, но привнося

рационально-рефлексивный способ восприятия мира, универсально-понятийный социокод [1, 2], смещая профессионально-именной социокод и мифо-поэтическое восприятие окружающего мира к уровню подсознательных, неререфлексивных актов. Профессионально-именной социокод и мифо-поэтическое восприятие действительности актуализируются лишь в среде традиционного природопользования, вне современных социальных институтов.

С другой стороны, нарождается новый способ расширения мифологически конципированного сознания и соответствующего социокода – символическая онтологизация сознания спектром универсальных метафизических (философских, религиозных) и символических конструктов. Ее практическое воплощение выражается в том, чтобы суметь ответить на вопрос: как обрести этническому спектру символов новое универсальное лоно, внешне мифологическое и внешне идеологическое по сути? С этой целью обоснование стихийных культурных процессов описывается эстетикой синтетического символизма сознания [3], осуществляющей через продуктивные формы искусства синтез символов сознания метафизической и мифологической культуры. Данная теоретическая и практическая задача разрешима. Она может быть разделена на подзадачи: 1) выявление спектра этнического символизма; 2) внедрение этносимволов в современные формы культуры, продуцирующие новую метафизику становления человеческого и нравственного.

В теоретическом ракурсе этнос (этническое и этническая культура) предстают производными символов сознания, опосредованными культурными формами [4]. Символы этнического сознания являются производящим механизмом этнокультуры, будучи конструктивами ритуалов. Так, первичный этап «этноборки» в контроверзе к идеологической сборке метафизичен, представлен символизацией сознания, которая ответственна за производство человеческого и нравственного. Это проработка первичного символизма сознания вторичными символами этномифов, выработанными этносом на этапе этногенеза. Процесс «этноборки» далее наслаивает идеологические вариации, коррелируя природно-ландшафтным и хозяйственным особенностям уклада. Сегодня он включает механизм социально-политической мобилизации.

Таким образом, *этнос* – изначально культурное бытие, рожденное метафизически через сопряжение с символическими конструктами сознания, помогающими трансцендировать природные основания. Этнокультура онтологически укореняется ритуалом, который служит прообразом «культурных мышц». «Телом» культуры становится со-

циокод и психоментальный строй, привязанные к традиционным хозяйственным занятиям. «Скелетом» этнической культуры является мифологически конципированный уникальный спектр этнических символов сознания. Далее следует «перманентный плебисцит», формирующий менталитет и социокод. Социокод фиксируется лингвистическими средствами и социальными шаблонами, сnivelирован этнопсихологией.

Исторически закреплялся именно такой мифологический вариант нравственного начала, несший характер табуирования или просто формального запрета на определенные действия. Вместе с тем нынешний этнофор обретает свое бытие через современные формы культуры, которые, несомненно, вне этномифов, природы и традиционных занятий. Его мировоззрение фундировано рационально-рефлексивным сознанием.

Из вышесказанного можно заключить, что на онтологическом уровне, этническая культура предстает отнюдь не хозяйственным занятием, а метафизическим способом его обоснования и воспроизводства.

Другими словами, обращаясь к вопросу расширения этнической культуры, важно искать точки роста вне и не столько в идеологическом, а сколько в знаковом выражении. Они в данной плоскости идеологии будут неустойчивы. Важен выход на универсальные начала человеческого, сконструированные символами метафизической природы.

Таким образом, этнокультурная модернизация предполагает изобретение форм, сочетающих этнический (вторичный) и универсальный (первичный) символизмы. На деле происходит трансмиграция смыслов: этносимволизм наполняется универсальной метафизикой. Открываются новые культурные возможности, переданные синтезом символических конструкторов.

Для иллюстрации процесса, названного нами эстетикой синтетического символизма сознания, приведем примеры указанных процессов, которые можно наблюдать в современной культуре народа саха (самоназвание якутов).

В XX в. якутам удалось воплотить этнический символизм в современных предметах обихода – прежде всего одежде и ювелирных изделиях. Но остаются открытыми для символотворчества посуда и мебель, повседневно носимая одежда, жанры искусства.

Если не создавать новые прецеденты органичной культурной жизни, этносы остаются вне символической жизни сознания. В этом плане придуманная фиктивная форма, которой являлся любой обрядово-ритуальный комплекс традиционного общества, в современных усло-

виях имеет возможность быть обыгран любой другой новой формой, соразмерной действительности. При этом могут в каком-то приближении возродиться утраченные смыслы. Последнее зависит от удачности способа воспроизведения символики, упакованной в новый культурный ритуал. Можно заключить, что этническое в эпоху модерна, мигрирует в сферу искусства. Оно там живет и находит продуктивное лоно для саморазвития в новых социо-культурных условиях.

Некоторые якутские режиссеры решают важные задачи в особых условиях социокультурной среды, раскручивая тему соединения универсального языка души и нашего этнического психо-ментального строя. Они пластичным языком постановки напоминают, что сказать художнику внятное и универсальное на языке национального подсознания или идеологии невозможно. Их поиск отражает концептуальные поиски метафизического. Они сделали попытку завоевания пространства, трансцендентного отголоскам вязкого подсознания.

Молодой якутский хореограф С.Ф. Катаков, рано покинувший этот мир, являвшийся приверженцем экспериментального фольклора, каковым, по сути, является любой современный художник, занимающийся фольклором, поставил на сцене «танец с чоронами», обыгрывая ту самую ситуацию включения вторичного этносимволизма в современную, в данном случае, танцевальную форму. Мы считаем, что продление этнического спектра символов возможно в органичном способе продления их функциональной значимости, будучи включенных в социальные структуры современного общества. Принадлежа искусству как социальной нише эстетического выражения общественного сознания, обыгрывание обряда кумысопития в фиктивной форме поставленного танцевального сюжета может заставить сработать те механизмы сознания, которые срабатывали в прошлые эпохи, будучи включенные в социальные ниши национального летнего праздника Ысыах. Если задуматься, то можно воспринять архаичный обряд кумысопития так же, как принципиально разыгрываемую фиктивную форму, предъявляемую театрализованным действием канонического ритуала обращения к божествам, даровавшим предкам якутов жизнь на земле Олонхо. Однако во втором случае возможно, хотя и не совсем строго, выпадение определенной вещности, а значит, вероятно скрываемых за ними символов. В танцевальной постановке будет выпадение такого элемента как кисломолочный продукт в его вещественности, кроме того кумысной посуды, если таковая будет заменена на муляжи, а также сама окружающая атмосфера и отсутствие реальных жрецов-алгысчитов со словами-заклинаниями. Несмотря на эти

недостатки, остается принципиально важное в данном ритуале – обращение к божествам, от которого зависит качество сознания. Может оказаться, что форма кумысной посуды, структура ритуала становятся вторичными и организуются вокруг сопряженности со структурой сознания – обращение к божествам, донесения своего преклонения, моления им. Обыгрываемая в стихии современного танца кумысная посуда, может помочь понять её изначальный смысловой символизм.

Кульг коня, воспетый всеми степными народами-скотоводами, концептуально обозначен в одном из ключевых танцев Ст.Ф. Катакова «Дьеһегей». Так уж волею судьбы получилось, что раскрывшись как талантливый хореограф, наш герой смог поставить символический танец-памятник в сельскохозяйственной академии, эмблемой которой является жеребенок. Жеребенок – будущий конь, образ которого кристаллизовался в танце.

Многое в этом танце шло от музыкальной подачи, которая дана героико-воинственно, горделиво, самодостаточно и вместе с тем многопланово. Присутствует там лирическая линия, а также сакральное начало божественной предназначенности – Коню быть преданным Человеку на срединной земле Олонхо. Дух покровителя «Дьеһегей» претерпевает мистические метаморфозы, идущие переключкой с мифологическими сюжетами первотворения. Все метаморфозы, случающиеся в мифологическом перерождении Духа в Коня, показаны пластическим языком танца. Режиссеру в этой постановке удалось создать законченный рассказ, олицетворяющий целое сказание, которое в вербальной театральной или иной постановке заняло бы значительно большее время. Но от этой скоротечности качество вовсе не страдает! Язык символов тела смог жестом и движением рассказать все то же самое, а может быть и большее. Язык символов сознания этнической культуры концентрированно впаян именно в пластику танца, наряду с древнейшими наскальными символическими рисунками. Тот, хорошо переданный дух, о котором Станислав рассказывал, говоря именно об этом танце «Дьеһегей», в действительности есть меткое попадание в определенные смысловые интерпретации, которые рождаются у всех, кто созерцает этот танцевальный обряд сакральной метаморфозы. Здесь, собственно, сюжетный в основе миф о появлении лошади на северной земле и придании ее человеческому роду является символическим конструктом, раскрученным на языке мифологического конципирования – в картинках-представлениях. Автор в современной танцевальной форме возвращает нам тот же самый миф, рассказанный не менее сакральным символическим языком.

Танец удался. Все, кто видел его, сопрягаются с той мощью, которая веет от накрывающего всех энергетического действия. Все и всё здесь преображается, трансформируется на уровне состояний сознания – зрителей и самих исполнителей. Это и есть катарсис, рождаемый современным искусством, но вместе с тем и тот самый катарсис впадения в мысль, который испытывали предки, совершая определенный ритуал поклонения божеству-Дьёһегей, который мы уже никогда не узнаем, да и не сможем понять в силу утраты социо-семантических смыслов далекого прошлого. Таким образом, Катаков возвратил современными средствами искусства то, что когда-то несли наши предки, а именно закон о том: «Кто и что ты? От чего ты? Зачем сюда пришел? Что должен сделать?» не только аллегорически, но даже буквально! Эти мировоззренческие вопросы универсальны, они позволяют инокультурному представителю что-то вынести о другом представителе, поняв комплиментарность универсальных констант культуры.

Без сомнения, символический спектр этноса, о котором мы говорим в работе [3], сгущенно отражен во многих постановках Ст.Ф. Катакова. Это и есть развернутый спектр символического сознания этноса саха. Там, в единой форме органично сплелись музыка – ритм, якутская мелодика, звучание музыкальных этноинструментов; жест – пластика движения и жеста; костюм – цвет, орнамент, узор и стиль.

Итак, фиктивная форма, которой являлся любой обрядово-ритуальный комплекс традиционного общества, в современных условиях имеет возможности быть обыгран любой другой соразмерной времени формой. При этом могут возродиться утраченные смыслы в полной мере или в каком-то приближении. Может возникнуть межкультурный контакт, понимание чужой культуры. Последнее зависит от удачности способа воспроизведения символики, имплицированной в ритуал.

Другой пример связан с фильмом-открытием III Якутского международного кинофестиваля (сентябрь 2015 г., г. Якутск) режиссера Саха драматического академического театра им. П.А. Ойунского С.Ст. Потапова. Фильм-притча назван «Дьёһегей Айыы» («Божество коня» в переводе с якутского). Тонкая лирическая линия вытянулась в 60-минутный поток символических черно-белых кадров. История съемочного этапа и сюжета фильма синхронизированы лишь сутками, которые пришлось на празднование городского Ысыаха-Туймаады. Путь, преодолеваемый главным героем за это время, символические встречи, произошедшие на этом коротком отрезке, вобрали цельность человеческого бытия и ценности, невидимые в суете дней.

Интересным показался авторский синтез мифической и современной реальности, которая переплелась в сюжете встречи молодого человека «верхнего мира» и земной девушки, причем без соответствующего нажима как в ту, так и другую сторону. Потапову в целом удалось найти уникальную авторскую интонацию, сохранив живой баланс прошлого и настоящего, показав оригинальную трактовку восприимчивости культурного наследия наших предков.

Главный герой – Дъесегей, сыгранный П. Ченяновым (актер Театра юного зрителя Республики Саха (Якутия)), без лишней пафосности органично впускает зрителя в свой, а по сути в наш собственный мир, формируя взгляд со стороны на самих себя, на мир, исполненный суеты, лишнего желаний, страстей. Отлично сконструированная авторская позиция позволяла ощутить что-то новое в нашей проносимой обыденности, а своеобразие монохрома, фактуры главных героев, прекрасно оттенило возможности самопознания.

Позиция, завоевываемая автором фильма, уникальна в своем качестве образчика темы изменения культуры бытия, разворачиваемой на наших глазах, но все же невнятно ощущаемой в постоянном беге жизни. Ее можно обозначить как судьба культуры народа, который не успевал переварить стремительный темп эпохи.

Автору фильма реально удалось осуществить в чистом виде эстетику синтетического символизма. Реальная технология заключалась в том, что режиссер взял определенные атрибуты культуры народа саха как материального, так и духовного плана, задействовав ритуалы, обряды, прошедшие кинематографическим сюжетом якутского летнего праздника кумысопития и изобилия – Ысыах. Затем он внес их в новое метафизическое пространство, выстроенное собственно киноформой, которая смогла породить достаточно интересные смысловые результаты, наполнившие этнические атрибуты фильма (в которых, несомненно, скрыты этносимволы и их спектры) новым посылом, а именно дав мощную переключку с евангелическими сюжетами и соответственно христианскими смыслами, нравственной закваской человека. Пришло новое понимание смыслов якутской культуры, которая сама синтезировала из мифологически конципированных смыслов смыслы универсальной философской метафизики христианства. Этот феномен также может предстать сферой межэтнического и межкультурного контакта, способствующего пониманию универсальной близости к человеку любой культуры, способствуя толерантности и терпимости в обществе.

Библиографический список

1. Петров М.К. Язык. Знак. Культура. М.: Наука, 1991.
2. Петров М.К. Античная культура. М.: РОССПЭН, 1997.
3. Пудов А.Г. Символическая онтологизация сознания как основа конструирования этноса на этапе этногенеза // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 7 (73). С. 110–116.
4. Пудов А.Г. Эстетика символического в эпоху транзитивной социальной реальности. Якутск: Медиа-холдинг, 2014.

УДК 008
ГРНТИ 13.11

Т.Н. Помазуева
УГЛТУ, Екатеринбург

**МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ
АРТ-ФОТОГРАФА А. АБАЛИХИНА**

В статье рассмотрено творчество современного арт-фотографа А. Абалихина, которое представляет собой пример нового прочтения традиционных мифологических сюжетов. Отдельное внимание уделено космогоническим и космологическим мифам, культурным героям, священным животным.

Ключевые слова: духовная деятельность, мифология, материальные носители мифологического сообщения, космогонические и космологические мифы, культурный герой.

Мифология является неотъемлемым структурным компонентом духовной деятельности наряду с религией, идеологией, художественной культурой и наукой. Возникнув в первобытную эпоху, миф не остался непременным атрибутом архаичных культур. Он устойчив и мирно сосуществует с демифологизированными формами сознания.

Неизменным в мифологии остается то, что здесь мы имеем совпадение чувственного образа и общей идеи. Между эмоциональной и рефлексивной сферами нет непреодолимых барьеров: здесь предмет совпадает с символом, а вещь со словом.

Очень важным моментом для понимания особенностей бытования мифа в современном обществе является теория французского этнолога Кл. Леви-Строса, который ввел понятие «горячих и холодных культур».

«Горячие» общества помнят свою историю и стараются ее не повторять. Это находит свое отражение в искусстве: использовать несколько раз один и тот же сюжет и уже применявшиеся художественные приемы считается дурным тоном. «Холодная» культура стремится воспроизвести сюжет и текст по возможности в неизменном виде.

Замечательно по этому поводу высказался немецкий писатель Фр. Фюман: «Миф – это и зародыш, и варианты его развития. Естественное продолжение жизни мифа – во все новых прочтениях. Превращаясь в нечто застывшее, раз и навсегда данное, миф погибает. Верность мифу требует неверности по отношению ко всем предыдущим трактовкам. Это звучит парадоксально, но в свое оправдание сошлемся на то, что в мифе таится противоречие» [1, с. 3].

Одним из самых ярких примеров нового прочтения мифа является «Улисс» Д. Джойса. Здесь герои имеют Гомеровых прототипов: Блум – Одиссей, Стивен – Телемак, Молли – Пенелопа. Роман разбит на независимые эпизоды подобно песням «Одиссеи».

Обращение к архаике, особенно античной, как и ее модернизация – переосмысление с точки зрения современного человека, характерно для многих русских поэтов и писателей. Первым хочется назвать Ин. Анненского. В его переводах Еврипида традиционные древнегреческие символы соединяются с художественными приемами акмеизма и других направлений поэзии серебряного века. Нельзя не упомянуть О.Э. Мандельштама, который «сумел, опустившись в поток времени, извлечь оттуда подлинные фрагменты древнего мира» [2, с. 455]. Наши современники также обращаются к мифологическим сюжетам. Роман «Козлиная песнь» К. Вагинова предполагает постоянное отождествление литературного Петербурга – Петрограда конца XIX – начала XX вв. с древними Афинами.

Общеизвестно, что мифологическое слово необязательно должно быть устным. Материальным носителем мифологического сообщения может быть и фотография, и кинематограф. Достаточно назвать «Орфическую трилогию» Ж. Кокто.

Исключительно талантливо мифологические сюжеты раскрываются в творчестве известного московского арт-фотографа Ал. Абалихина, члена творческого Союза художников России и Российского фотосоюза. Серии художественных фоторабот Ал. Абалихина находятся в частных коллекциях и собраниях. Они также украшают интерьеры крупных банков, страховых и строительных компаний. Среди его клиентов Ингосстрах, Банк «Веста», AIG Life, IMS group, «Baccardi&Martini», журнал «SALON», группа «АвтоВАЗ», Москов-

ский Дом бабочек, Инвестиционная группа «Русские фонды», ЗАО «Промос», «Capital Group», «Alfa Romeo Club», издательство «Просвещение».

В 2010–2015 гг. он провел ряд персональных выставок в России и за рубежом (Испания, Израиль, Ирландия). Был отмечен личной благодарностью министра культуры Испании за экспозицию «Православная архитектура Руси до XVII в.». В настоящее время художник увлеченно работает над мифами и преданиями разных народов.

Особый пласт в любой культуре составляют космогонические мифы, в которых отражаются представления различных народов о происхождении мира. Как правило, сотворение происходит благодаря волевому акту божества-творца. И любое мифологическое творение начиналось с того, что происходило разделение некоего единства на составные части.

Например, в Древнем Египте первым актом творения считалось появление суши из первичного водного хаоса, называвшегося Нун. Согласно маорийской легенде, мир возник, когда нарушилось единство небесной (мужское начало – Ранги) и земной (женское начало – Папа) сущности. Духом древних космогонических представлений проникнута фоторабота «Разделение стихий». Мы видим акт творения, в котором женщина-богиня отделяет тьму от света, твердь от воды.

Темный фон картины, внутренний драматизм напоминают нам о том, что во многих культурах творение либо связано со смертью, либо является ее порождением. Так, в китайской традиции священный прародитель Паньгу умирает, обессилев после тяжкого труда по разделению земли и неба. Части его тела превращаются в земные и небесные сущности.

Центральный образ воплощает архетип Великой Матери, прародительницы всего сущего. Он присутствует во всех культурах. Такова Адити, воплощение вселенского духа, символ бесконечности, мать главных богов, наиболее известными из которых являются Варуна, Индра и Дакша. И ханаанская богиня плодородия Ашира, и Magna Mater в римском пантеоне, и Дану в культуре кельтов.

С космогоническими мифами тесно связаны мифы космологические. Некоторые работы из цикла «Мифология» представляют собой пример переосмысления именно космологических представлений.

Для многих культур характерна трехмерная концепция мироздания. Над миром людей расположен «верхний мир», который населен сверхъестественными существами и божественными прародителями. Под миром людей лежит подземное царство inferнальных духов и мертвецов. Верхний и нижний миры являются зеркальным отражением мира людей.

(Справедливости ради стоит отметить, что в ряде культур бытуют более сложные схемы, где верхний и нижний миры имеют от семи до девяти уровней).

Картина «Вальхалла» отражает верования древних германцев, согласно которым в Асгарде, обители богов, последние возвели Чертог убитых – Вальхаллу. Бог Один поселил там героев и королей, погибших на поле битвы.

Глядя на эту работу, не скажешь: «Красиво!». Эстетический смысл этого изображения способен передать только понятие возвышенного, ибо здесь противопоставлены друг другу человеческий и сверхчеловеческий масштабы. Эта фотография сродни искусству Древнего Египта, Древней Индии или средневековой Европы с их культом размера, пафосом количества, эстетизацией величины.

Внутренне напряжение, которое ощущается в картине, словно напоминает нам о том, что Асгард будет разрушен в апокалиптической битве, известной как Рагнарек.

Фоторабота «Песнь о Луге и Донне» отсылает нас к верованиям древних кельтов. Луг (Лугос, Ллеу) – это бог света, связанный с солнечным культом. Вместе с Дагда и Нуаду Луг входит в триаду великих правителей Туата Де Дананн. Донн – это бог смерти. По преданию, Донн оскорбил богиню земли Эриу и был в наказание сброшен в море. На месте падения образовался остров «Обитель Донна», куда уплывали души людей, окончивших свой земной путь. Противопоставление Жизни и Смерти в картине подчеркнуто сочетанием изумрудно-зеленого цвета кроны дерева и ярко-рыжего цвета коры с глубоким, плотным черным цветом...

И само присутствие дерева напоминает нам о том, что во многих космологических мифах фигурирует Мировое Древо, являющееся осью мироздания (наиболее известным примером является гигантский ясень Игдрасиль в скандинавской мифологии). О мировом Древе косвенно напоминает работа «Рождение Небесного Оленя», которая навеяна угорскими мифами. Тело Небесного Оленя символизирует Вселенную, а рога – Мировое Древо. Нижний мир также нашел свое отражение в творчестве художника.

В картине «Легенда о странствующих душах» слышны отголоски представлений древних угров о том, что у человека две души: душа-дыхание, которая покидает тело лишь со смертью, и душа-тень, которая может покидать тело человека во время сна. Здесь мы видим сонм духов умерших людей, которые странствуют между мирами, не давая покоя живым.

Очень сильное впечатление оставляет «Некрономикон». Здесь мы видим прямую отсылку к творчеству Г.Ф. Лавкрафта. Перед нами трактат А. Аль-Хазреда, который он писал в течение десяти лет под покровительством демонов и духов смерти.

Для мифологических систем многих народов характерны две основные категории мифологических образов: бессмертные боги и герои. Они вступают между собой в сложные отношения, что порождает контаминацию мифов. Вследствие этого возникают пантеоны и циклы, по которым можно составить представление о верованиях древних.

Объяснительная функция мифа проявляется особенно ярко в образе *культурного героя*, который добывает или создает для людей предметы культуры, учит их ремеслам, привносит в беспорядочную жизнь социальную организацию.

Примером культурного героя является Гильгамеш, один из первых правителей династии города Урука в Шумере. Это центральный персонаж шумеро-аккадского эпоса, самого древнего из сохранившихся до наших дней литературных произведений (около 2000 г. до н. э.).

Фоторабота Ал. Абалихина «Иштар, Гильгамеш и бык» изображает один из самых драматичных эпизодов эпоса: богиня Иштар, разгневанная тем, что Гильгамеш отверг ее любовь, посылает быка убить героя. От картины веет седой древностью. Она напоминает одно из самых древних изображений Гильгамеша: при входе в тронный зал Саргона II в Дуршаррукине рядом со знаменитыми львами о пяти ногах стоит суровый воин, придавивший одной рукой льва, как котенка.

Неизгладимое впечатление оставляют «Сны Атланта». Здесь мифологический сюжет тесно переплетается с юнгианской теорией архетипов.

В работе Ал. Абалихина Атлант символизирует, на наш взгляд, архетип Героя. На это указывает, во-первых, божественное рождение: титан Атлант был сыном Иапета и морской нимфы Климены. Во-вторых, он совершал героические поступки: участвовал в битве титанов и олимпийцев. В-третьих, в мифе присутствует мотив поражения: после победы богов-олимпийцев Зевс отправляет Атланта на край земли и поручает ему удерживать на плечах небесный свод. И, наконец, здесь есть и мотив смерти: Персей, которому Атлант отказал в гостеприимстве, показал титану голову Медузы Горгоны, взгляд которой превратил Атланта в скалу.

Композиция и контраст черного и белого цветов в картине воплощают драматичное развитие Эго. Формирование осознанного самовосприятия требует настоящего мужества и сопряжено с опасно-

стью и неизбежными поражениями, за которыми следует возрождение. Невероятно сложно сохранить целостность и тождественность самому себе в условиях непрерывных внешних и внутренних изменений. Атлант, удерживающий мироздание, символизирует Эго под тяжестью бессознательного. В мифологических системах многих народов значительную роль играют животные. Это нашло отражение в творчестве Ал. Абалихина.

Рассмотрим картину «Черный бык Гадеса и белые быки Гелиоса». Для понимания этой фотоработы необходимо вспомнить древнегреческие мифы и «Одиссею» Гомера. После того, как Одиссей и его спутники покинули остров Цирцеи, благополучно миновали сирен и прошли между Сциллой и Харибдой, они высадились на Тринакрии, острове бога Солнца Гелиоса. Цирцея и прорицатель Тиресий советовали Одиссею не причаливать к острову, где паслись стада священных быков, убийство которых считалось тягчайшим преступлением. Однако команда Одиссея не захотела проводить ночь в открытом море, но пообещала не трогать быков Гелиоса. И все же, как только Одиссей заснул, его товарищи закололи быков, чем навлекли страшный гнев Гелиоса.

Гадес – это царство мертвых, более известному широкому кругу читателей как Аид. Композиция картины говорит о противоборстве Жизни и Смерти, о попрании божественного дара жизни. Эта тема приобретает невиданную остроту в наше время, когда мир сотрясают террористические атаки и гибридные войны.

В картинах «Заклятье Смауга» и «В челюстях Смауга» перед нами предстает образ дракона, который воплощает стихийные силы хаоса. В нем угадываются черты всех тех чудовищ, с которыми вступали в битву Геракл, Сигурд и Ямато-такеру. Чем-то Смауг напоминает красного дракона, который был эмблемой короля Артура, в образе которого из первичного хаоса явился египетский бог-создатель Атум. В драконе угадываются черты огромного змея Апопа, повелителя тьмы, который каждую ночь преследует ладью бога солнца. При взгляде на кольца, в которые завивается тело Смауга, вспоминается Ананта, гигантский змей, на кольцах которого отдыхает бог Вишну после космических эманаций.

Здесь мы видим явление, которое описал Гегель. Помнится, он, любивший многоярусные логические конструкции, назвал египетского Сфинкса «символом самого символизма». Это означает, что любой мифологический образ хранит в себе слои и напластования содержания, которыми он успел обогатиться за многовековую историю культуры.

Важное место в мифах занимает образ Вещей Птицы. В преданиях племени Ибан на острове Борнео упоминаются птицеподобные духа-создателя Ара и Айрик. Североамериканские индейцы обожествляли буревестника, считая его богом грома и стихийных сил творения и разрушения. Верховным животным бога Вишну была небесная птица Гаруда. Вавилонский бог бури Зу изображался в виде гигантской птицы.

Внимание Ал. Абалихина привлекли угорские мифы о птице Турул. Имя Турул восходит к тюркскому обозначению ястреба. Отголоски этих мифов видны в венгерских преданиях и легендах.

Анонимный венгерский хронист XIII в. повествует, что мать Алмоша, отца Арпада и прародителя венгерских королей, забеременела после того, как увидела во сне эту чудесную птицу, овладевшую ею. Ей привиделось, что целая огненная река истекает из ее груди. То была магическая река, по которой можно проникнуть во все миры. Для венгров эпохи обретения новой родины этот символ был важен: ведь им предстояло следовать неведомыми путями.

Цикл фоторабот «Мифология» Ал. Абалихина убеждает нас в том, что в мифе происходит непосредственное вживание человека в мир. Мы видим символы, в которых отражается связь между двумя мирами: реальным и трансцендентным, чувственным и воображаемым, видимым и невидимым.

Сегодня, как и сотни лет назад, миф придает витальность миру значений. Он позволяет, как отмечал уже упоминавшийся Фр. Фюман, «соизмерить свой индивидуальный опыт с моделями опыта общечеловеческого» [1, с. 3]. Не будем забывать, что перед нами не живопись, а художественная фотография. Однако и при ограниченном наборе изобразительных средств арт-фотографу удалось создать великолепные работы. Еще одной особенностью этого автора является то, что он сумел избежать традиционных способов разрушения классических форм, самых очевидных и доступных путей нового осмысления мифа: иронии и стилизации.

Хронотопу Абалихина, как и всякому мифологическому пространственно-временному континууму, присущи панхронизм и пантопия, что объясняет органическое переплетение мифологических сюжетов и персонажей с реалиями современной Москвы. В работах Ал. Абалихина обретают зримый образ слова А.Ф. Лосева: «Миф не есть бытие идеальное, но – жизненно ощущаемая и творимая вещественная реальность» [3, с. 14].

Библиографический список

1. Фюман Ф. Два рассказа на античные сюжеты // Иностранная литература. 1988. № 12.
2. Террас В. Осип Мандельштам и его философия слова. Париж, 1973. С. 455.
3. Лосев А.Ф. Современные проблемы изучения античной мифологии // Вестник истории мировой культуры. 1957. № 3.

УДК 008.2:303.4.028:39
ГРНТИ 02.31.55

А.В. Березина
УГЛТУ, Екатеринбург

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматриваются современные методы и подходы к этнокультурному анализу, применяемые как в российской, так и зарубежной этнологии.

Ключевые слова: этнос, этнология, метод, этнокультурные исследования, этнокультурные ценности, синергетический подход.

Современный глобализирующийся мир настолько неоднороден и противоречив, что происходящие в нем события воспринимаются как фатальные и непредсказуемые. Научное прогнозирование осложнено тем, что, сейчас, как никогда, экономические проблемы переплетаются с проблемами научно-технического прогресса, этнокультурными, геополитическими и экологическими. Порой периферийное событие, первоначально воспринимаемое как несущественное в системе глобальных взаимосвязей, может стать стартовым фактором широко-масштабных изменений как в пространственных, так и во временных координатах.

Данная ситуация отражается на методологических проблемах этнокультурных исследований. Распространенный в советской научной школе деятельностный подход уже не удовлетворяет современным требованиям научного прогнозирования, предполагающего отображение вариативности прогнозируемых событий и их зависимости.

Этническая полиморфия предстает залогом развития общечеловеческой культуры, саморазвитием человеческой цивилизации и проблема сохранения этнокультурного многообразия становится важ-

нейшей установкой этнокультурных исследований в XXI в. Понимание же этноса и этничности, их оснований формирует разнообразие методологических подходов к изучаемой проблематике, а значит, и подходов к сохранению этнического многообразия. Рассмотрим наиболее распространенные.

Представители примордиалистического подхода исходят из того, что динамичность этносу, в отличие от общественных образований, придают ощущения и условные рефлексии. Индивид подстраивается под окружающую его географическую и этническую среду (географический детерминизм Л.Н. Гумилева).

Согласно инструменталистскому подходу этнос и этничность трактуются как социальная совокупность индивидов, объединяемая их групповыми интересами, сама же этничность предстает в качестве инструмента, средства для достижения этих интересов, для мобилизации деятельности индивидов в политической и экономической сферах общественного развития. По их мнению, этничность всегда ситуативна. Инструмент этничности в современном обществе служит для преодоления изолированности, отчуждения в современном капиталистическом обществе, как противостояние прагматическому подходу к жизни и потребительским ценностям. Признание этничности дает возможность не раствориться в мире массовой культуры, заполненной потребительской рекламой. Данный подход сформировался в первую очередь в западных школах политологии, социологии, антропологии. Развернутую концепцию инструментализма сформулировал Джон Дьюи. В этнологии виднейшими ее представителями являются Д. Белл, Г. Вулп, Н. Глейзер, Дж. Дэвис.

Через конструктивистский подход этнос определяется как совокупность людей, сформированная на базе культурной самоидентификации. Согласно конструктивистам этнос предстает как конструктивное, творческое и постоянно самотворящее себя явление. Ф. Барт дает понимание этничности как наиболее широкой категории социальной идентичности, как ситуативный феномен, создаваемый средствами символического различения. Активизация этнокультурных процессов, по Э.А. Геллнеру, соответствует периоду активной индустриализации и приводит к национализму. Кроме того, впервые в конструктивистском подходе подчеркивается активная роль наблюдателя в процессе изучения и взаимодействия с этническими группами.

Особая роль в конструктивизме отводится исследованию этноконцептов. Этноконцепт рассматривается как элемент национальной картины мира, что позволяет осмыслить своеобразие самосознания опре-

деленного этноса. В конструктивистском подходе не последнее место уделяется разработке сценариев этнокультурного развития, анализу будущих возможностей и альтернатив развития. Конструктивисты исходят из того, что структура любого этноса представляет собой сложную систему, в которой именно эта сложность и системность являются залогом развития и выживания в мире глобальных взаимодействий. Так, В.А. Тишков, придерживаясь конструктивистского направления в изучении этнокультурных процессов, приходит к тому, что при определении этноса и этничности «обстоятельный анализ требует интеграции всех подходов». Синергетический подход дает понимание понятия процесс этнокультурного взаимодействия, процесс саморазвития этноса как нелинейного движения, представляет возможность анализа его движущих сил, выбора путей саморазвития и существования в изменившейся социально-политической и природной среде.

М.С. Каган отмечает, что синергетика как теория систем и методология системных исследований не только является всеобщей организационной наукой, но и новой научной парадигмой*. Не вдаваясь в аспект значимости методов синергетики для изучения общекультурных аспектов, хочется остановиться лишь на более частной проблеме этнокультурного взаимодействия. Синергетический метод помогает увидеть в этнокультурном развитии способы и методы взаимодействия, возможности развития этнических ценностей в той или иной среде. При таком подходе совершенно не только нелепо, но и вредно звучит тезис о «сохранении (читай – консервации) этнокультур». Этнокультуру как постоянно изменяющуюся систему сохранить в прежнем виде невозможно. Методы, которые используются для так называемого «сохранения» ведут к театрализации архаичных обычаев и традиций, к смерти этноса как изменяющейся и развивающейся системы.

Как считает М.С. Каган, «на этом синергетическом уровне диалектика *закономерность – случайность* удваивается диалектикой *необходимость – свобода*, и это вносит существенные коррективы в синергетический анализ социокультурных процессов**». Развитие этноса следует изучать не как автоматическое следование за развитием общества, «и не как столь же пассивное отражение природно-космических процессов, а как самодвижение, саморазвитие, хотя и усваивающее воздействие изменений среды и социальной, и природной»***.

* Каган М.С. Синергетика и культурология // Синергетика и методы науки. СПб.: Наука, 2008. С. 201–219.

** То же. С. 203.

*** То же. С. 209.

Не отрицая возможностей использования диалектического метода в социальных исследованиях, заметим, что он не учитывает открытость системы, влияния на ее развитие внешних элементов и связей. Диалектика не противоречит синергетическому подходу в социальных исследованиях, а является лишь частным случаем более глубоких и широкомасштабных явлений, а разработка понятия катастрофы в применении к этнокультурным явлениям позволяет выделить социально-культурные, геополитические, природно-экологические переменные, характеризующие исследуемое явление.

В синтетическом подходе социально-культурные явления разделяют на первые и вторые. К первым социально-культурным явлениям относят плотность населения, уровень потребления, продуктивность общественного труда, а ко вторым – личную независимость, экономическую свободу. Первые переменные влияют на гомеостаз системы или на способность к саморегуляции путем ее материального и энергетического обмена с окружающей средой. Вторые переменные влияют на восприятие социальной реальности, ее конструирования в индивидуальном сознании, а отсюда и на вариативность действий групп индивидов.

Так, при изучении этнокультурных проблем марийцев, проживающих локально в Свердловской области, Пермском крае и Башкортостане, было обращено внимание, что на решение первых и вторых проблем существенно влияет сформированная структура ценностей. Именно структура ценностного восприятия, транслируемая через мифотворчество, песни, религиозные обряды, предопределяет качество взаимодействия с внешней средой как на первом, так и на втором уровнях. В каждом этносе уровень потребления, продуктивность труда и личная независимость структурируется неодинаково и часто даже противоположно.

Марийская культура испокон веков была сельскохозяйственной. В ситуации перехода на новые рыночные отношения, внедрения новых технологий, сельского хозяйства высвобождается огромное количество населения, сельскохозяйственная продукция, произведенная на Урале, неконкурентоспособна по сравнению с той же продукцией, произведенной в других, более плодородных регионах. Сельские регионы беднеют и исчезают, население перебирается в город. Ведет ли смена жительства к исчезновению этнических марийцев на Урале или, наоборот, позволяет развивать культурные основания на другой, индустриальной основе? Происходит трансформация этнокультурных ценностей под давлением потребительских ценностей массовой культуры.

Важную роль играет восприятие представителями этноса (через призму этнокультурных ценностей) социально-культурной реальности, отношений, сложившихся на постсоветском пространстве. Здесь так же возможно предвидеть несколько сценариев. Назовем лишь крайние: это либо ассимиляция, либо общественно-политическая и культурно-просветительская деятельность, использующие этнический фактор.

Разработка сценария развития этноса в синергетике основана на анализе будущих возможностей и альтернативы траектории развития. Данные сценарии дополняются данными SWOT-анализа (оценка, слабые и сильные стороны, возможности и угрозы).

Таким образом, мы можем сформулировать один из ключевых методологических принципов исследования этнокультурной системы, который заключается в следующем: этнокультурные исследования должны быть проведены в комплексе с исследованиями специфики природных ресурсов территории проживания этноса, экономической, социально-культурной и геополитической ситуацией как в регионе, так и в мировом масштабе. Синергетический подход позволяет организовать междисциплинарный подход, не потеряв центральную проблему исследования – сохранения и воспроизводства этнической группы.

УДК 378.14:159.922.8
ГРНТИ 00.45

С.Н. Каташинских
Е.В. Мышкина
И.А. Петрикеева
УГЛТУ, Екатеринбург

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ МОТИВАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ УГЛТУ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»

Актуальность темы обусловлена отсутствием квалифицированных кадров с высшим образованием по экономической безопасности в учреждениях Департамента лесного хозяйства по Уральскому федеральному округу, ГУФСИН по Свердловской области и организациях автомобильно-дорожного комплекса Урала.

Ключевые слова: экономическая безопасность, мотивация учебной деятельности, перспективность специальности.

14 января 2011 г. Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации № 19 был утвержден Федеральный государственный стандарт высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) по направлению подготовки (специальности) 080101 «Экономическая безопасность» (квалификация (степень) «специалист»)*. Благодаря этому стало возможно готовить высококвалифицированных специалистов в области экономической безопасности, способных обеспечивать устойчивое развитие экономических систем разного уровня и функционального назначения.

В 2012 г. УГЛТУ начал набирать студентов на данную специальность в рамках Института экономики и управления. Выпускающей кафедрой является кафедра бухгалтерского учета, анализа и экономической безопасности.

Цель подготовки по специальности «Экономическая безопасность» (специализация «Экономико-правовое обеспечение экономической безопасности») заключается в обеспечении комплексной подготовки специалистов высшей квалификации к профессиональной деятельности не только в лесном комплексе, но и во всех отраслях народного хозяйства, в экономических субъектах всех организационно-правовых форм вне зависимости от формы собственности и типа финансирования.

Подготовка по специальности «Экономическая безопасность» (специализация «Экономико-правовое обеспечение экономической безопасности») осуществляется Институтом экономики и управления УГЛТУ в рамках существующего плана приема.

На момент проведения опроса среди студентов специальности 080101.65 «Экономическая безопасность» по очной форме обучения число студентов составило 49 человек.

Особенностью обучения является специализация «Экономико-правовое обеспечение экономической безопасности», при освоении которой будущие специалисты изучают достаточное количество дисциплин по программе бухгалтерского учета, таких как «Бухгалтерский учет», «Налоги и налогообложение», «Финансы», «Аудит», и дисциплины юридического профиля, такие как «Конституционное право», «Гражданское право», «Административное право», «Трудовое право», «Налоговое право».

* Федеральный государственный стандарт высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) по направлению подготовки (специальности) 080101 «Экономическая безопасность» (квалификация (степень) «специалист»). URS: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgos/61/20110505010046.pdf>.

Для анализа учебной мотивации студентов специальности «Экономическая безопасность» была разработана анкета и проведен опрос студентов 1, 2 и 3-х курсов очной формы обучения.

В опросе приняли участие 40 человек, из них: 10 студентов 1-го курса, 18 студентов 2-го курса, 12 студентов 3-го курса. Из них 12 юношей, 28 девушек. 24 студента проживают в общежитии, 2 студента снимают жилье, 14 человек проживают в Екатеринбурге (табл. 1).

Таблица 1

1-й вопрос	Ваш выбор после окончания специалитета	Общее количество ответов, %	Количество ответов, % 1-й курс	Количество ответов, % 2-й курс	Количество ответов, % 3-й курс
	Работать по специальности	74	70	78	75
Работать по любой специальности, лишь бы была достойная заработная плата	21	20	11	33	
Получать второе высшее образование	7	10	11	–	
Вообще не планирую работать	–	–	–	–	
Затрудняюсь ответить	–	–	–	–	

Из табл. 1 следует, что **74 %** опрошенных планируют работать по специальности, **21 %** – работать по любой специальности, лишь бы была достойная заработная плата; **7 %** планируют получать второе высшее образование, причем среди студентов 3-го курса таких ответов не получено (табл. 2).

Таблица 2

2-й вопрос	Характеристика вашей специальности	Общее количество ответов, %	Количество ответов, % 1-й курс	Количество ответов, % 2-й курс	Количество ответов, % 3-й курс
	Перспективная	56	50	44	75
Интересная	37	40	39	33	
Современная	15	–	11	33	
Востребованная	31	10	16	67	
Неинтересная	–	–	–	–	

Специальность считают *перспективной* **56%** респондентов, причем наивысший процент – **75 %** на 3-ем курсе, наименьший – **44 %** – на 2-ом курсе. *Интересность* специальности отмечают **37 %** респондентов. *Востребованность* специальности характеризуют **31 %** респондентов, при этом наблюдается существенный рост данного пока-

зателя от первого курса к третьему (10 % и 67 %). *Современность* специальности отмечают **15 %** студентов, причем вновь этот показатель является самым высоким на 3-ем курсе (33 %). Наконец, характеристику специальности *неинтересная* не выбрал ни один из респондентов, из чего можно сделать вывод, что студентам нравится учиться (табл. 3).

Таблица 3

	Обоснованность вашего выбора	Общее количество ответов, %	Количество ответов, %		
			1-й курс	2-й курс	3-й курс
3-й вопрос	Интересом к данной специальности	43	30	56,0	42
	Перспективностью данной специальности в плане трудоустройства на интересную работу	41	30	50,0	42
	Перспективностью специальности в плане трудоустройства на высокооплачиваемую работу	42	30	28,0	67
	Перспективностью специальности в плане трудоустройства на выбранное предприятие	2	–	5,5	–
	Перспективностью данной специальности в плане ведения собственного бизнеса	11	10	5,5	17
	Гарантией трудоустройства после окончания вуза	13	–	5,5	33

Топ причин выбора данной специальности обучения среди респондентов составляют ответы:

«интерес к данной специальности» (43 % респондентов);

«перспективность специальности в плане трудоустройства на высокооплачиваемую работу (42 % респондентов);

«перспективность данной специальности в плане трудоустройства на интересную работу» (41 % респондентов).

Другими словами, ведущими мотивами выбора специальности обучения являются мотивы, связанные с предпочтениями студентов, их интересом к специальности и возможностью самореализации в профессии. Особенно высоки эти показатели у студентов 2-х и 3-х курсов.

Проценты выбора мотивов «перспективность данной специальности в плане ведения собственного бизнеса» и «гарантия трудоустройства после окончания вуза» сравнительно малы для 1-го и 2-го

курсов и высоки для 3-го курса. Особенно высок процент выбора 3-им курсом ответа «гарантия трудоустройства после окончания вуза» (33 %), что связано с тем, что именно на 3-ем курсе начинается производственная практика, студенты знакомятся с предприятиями, занятостью на них и видят возможности трудоустройства по специальности.

Процент выбора ответа «перспективность специальности в плане трудоустройства на выбранное предприятие» ничтожно мал на всех трех курсах (2 %) (табл. 4).

Таблица 4

4-й вопрос	Нравятся ли вам учиться	Общее количество ответов, %	Количество ответов, % 1-й курс	Количество ответов, % 2-й курс	Количество ответов, % 3-й курс
	Очень нравится	26	20	33	25
Скорее нравится, чем не нравится	52	40	50	67	
Совершенно не нравится	3	10	–	–	
Пока не понял (а)	18	30	17	8	

Из табл. 4 видно, что большинство (78 %) респондентов удовлетворительно отвечают на вопрос: «Вам нравится учиться?». Причем степень удовлетворенности обучением возрастает от курса к курсу: с 60 % на 1-ом курсе до 92 % на 3-ем курсе.

Ответ «Совершенно не нравится» выбрали только респонденты 1-го курса (10 %), что составило 3 % выборки. Наименьший показатель удовлетворенности на 1-ом курсе, на мой взгляд, связан с периодом адаптации студентов. 30 % респондентов 1-го курса отметили, что пока не поняли, удовлетворены ли они обучением. Также нужно отметить, что этот показатель существенно снижается к 3-му курсу (8 %) (табл. 5).

Таблица 5

5-й вопрос	Характер обучения на данной специальности	Общее количество ответов, %	Количество ответов, % 1-й курс	Количество ответов, % 2-й курс	Количество ответов, % 3-й курс
	1	2	3	4	5
Много занятий со специалистами-практиками	34	10	33	58	
Обучение у интересных преподавателей	68	60	78	67	
Обучение у либеральных преподавателей	8	10	5	8	

Окончание табл. 5

	1	2	3	4	5
Учебные ситуации, требующие творческого отношения с Вашей стороны		14	20	5	17
Учебные ситуации, требующие наименьших усилий с Вашей стороны		2	–	5	–

Характеризуя обучение на данной специальности, студенты максимально выбрали показатель «обучение у интересных преподавателей» (**68 %**), наибольший процент таких ответов отмечен среди студентов 2-го курса.

34 % респондентов ответили, что в процессе обучения много занятий со специалистами-практиками, причем идет увеличение количества таких ответов с 10 % на 1-ом курсе до 58 % на 3-ем курсе.

Показатель «обучение у либеральных преподавателей» – низкий (**8 %**), причем максимальное количество таких ответов получено среди студентов 1-го курса.

14 % респондентов отмечают, что в процессе обучения создаются «ситуации, требующие творческого отношения с их стороны». Это невысокий процент ответов, и здесь заложены возможности совершенствования учебного процесса в этом направлении.

2 % респондентов отметили, что в процессе обучения наблюдаются учебные ситуации, требующие наименьших усилий с их стороны, причем на 1-ом и 3-ем курсах таких ответов не получено. Такая ситуация говорит о том, что студенты в процессе обучения не ищут простых способов обучения и готовы учиться (табл. 6).

Таблица 6

6-й вопрос	Выбранная специальность рассматривалась ли только в этом вузе	Общее количество ответов, %	Количество ответов, % 1 курс	Количество ответов, % 2 курс	Количество ответов, % 3 курс
	Да		23	30	22
Нет		62	60	67	58
Я не знал (а), что эта специальность есть где-то еще		15	10	11	25

Отвечая на вопрос, было ли желание поступить на эту специальность в другой вуз, **62 %** респондентов ответили отрицательно; **15 %** отметили, что не знали о наличии этой специальности в других вузах. Из этого можно сделать вывод, что основная масса респондентов на момент поступления осознанно шли на обучение в УГЛТУ.

23 % респондентов подавали документы в другие вузы: МВД, УрФУ, УрГЭУ (СИНХ), УГГУ, что было связано с хоть и небольшим, но наличием бюджетных мест в них. Больше всего пытались поступить в другие вузы на специальность «Экономическая безопасность» респондентов 1-го курса (30 %), имея высокие баллы по ЕГЭ (198–222 балла) (табл. 7).

Таблица 7

	Чем обоснован ваш выбор	Общее количество ответов, %	Количество ответов, %		
			1-й курс	2-й курс	3-й курс
7-й вопрос	Более доступная плата за обучение	22	50	17	-
	Понравился менталитет и статус среди других вузов города	9	10	-	17
	Хочу получить диплом УГЛТУ	3	10	-	-
	Советовало много народу	21	10	11	42
	Сама захотела	3	10	-	-
	Интересный и перспективный вуз	13	10	22	8
	Понравилась атмосфера, близкое расположение корпусов	9	10	17	-
	Хорошая образовательная база	3	10	-	-
	Простое поступление	5	10	5	-
	Данная специальность была только в УГЛТУ	10	-	5	25
	Не прошел в другой вуз	2	-	5	-
	Хорошая работа приемной комиссии с абитуриентами	2	-	5	-
	Близко к дому	6	-	11	8
	Атмосфера в университете как дома	2	-	5	5
	Запасной вариант	3	-	-	8

Обращает на себя внимание то, что вопрос открытый, но просматривается типология вариантов ответов:

«более доступная плата за обучение» – 22 %;

«советовало много народу» – 21 %;

«интересный и перспективный вуз» – 13 %.

Среди опрошенных были люди, которые поступали на данную специальность в другие вузы – **5 %** (ответы «не прошел(а) в другой вуз», «запасной вариант»). Возможно, не поступив туда по разным причинам (к ним можно отнести: кому-то не хватило баллов ЕГЭ для поступления, в том числе и на бюджетные места; кого-то насторожила стоимость оплаты за обучение и др.), они оказались в УГЛТУ. Если выбирать из предложенных ответов респондентов те, которые связаны с мотивацией поступления на данную специальность именно в УГЛТУ, мы получим **79 %** ответов. Это очень высокий процент.

Таблица 8

8-й вопрос	Причина выбора специальности	Общее количество ответов, %	Количество ответов, % 1-й курс	Количество ответов, % 2-й курс	Количество ответов, % 3-й курс
	Посоветовали друзья, знакомые	32	20	17	58
	Посоветовали родители	51	40	72	42
	Настояли на выборе родители	16	–	5,5	42
	Мне все равно где учиться, нужен лишь диплом	5	10	5,5	–
	Другое	10	30	–	–

Здесь обращает на себя внимание высокий процент *влияния родителей (67 %* по двум вариантам ответов: «посоветовали родители» и «настояли на выборе родители») и *советов друзей и знакомых – 32 %*. Это коррелирует с ответами, даваемыми респондентами, по предыдущему вопросу. В ответе «другое» первый курс отметил: «свой собственный выбор», «свое желание учиться именно в УГЛТУ» (30 % ответов). К удивлению, на 2-х и 3-х курсах не оказалось ни одного подобного ответа (табл. 9).

Таблица 9

10-й вопрос	Ваша успеваемость	Общее количество ответов, %	Количество ответов, % 1-й курс	Количество ответов, % 2-й курс	Количество ответов, % 3-й курс
	В основном, отлично	6	10	-	8
	В основном, хорошо и отлично	28	40	11	33
	В основном, хорошо	28	40	28	17
	В основном, хорошо и удовлетворительно	23	–	28	42
	В основном, удовлетворительно	–	–	–	–
	Имею задолженности	23	10	33	25

62 % респондентов оценивают свою успеваемость как «в основном отлично», «в основном хорошо и отлично» и «в основном хорошо», т. е. учатся в основном без троек. Наиболее высок этот показатель (**90 %**) среди студентов 1-го курса, что связано с тем, что на 1-ом курсе идут общеобразовательные дисциплины, такие как «История», «Культура речи и деловое общение», «Информатика», «Математика», «Физическая культура».

Самый низкий показатель качественной успеваемости среди студентов 2-го курса. Это, возможно, связано с появлением новых дисциплин, требующих большего внимания: «Информационные системы в экономике», «Статистика», «Экономика организации (предприятия)», «Управление организацией», а также специальных дисциплин «Тактико-специальная подготовка», «Огневая подготовка».

На втором же курсе отмечается самый высокий показатель «имею задолженности» (**33 %**). Как показывает наблюдение, задолженности у студентов в основном начинают появляться именно на 2-ом курсе по такой дисциплине, как «Экономика организации (предприятия)». По этой дисциплине учебным планом предусмотрен экзамен и курсовая работа.

Подводя итоги исследования особенностей мотивации студентов специальности «Экономическая безопасность» УГЛТУ, авторы обратили внимание на следующее. В 2013 г. официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации опубликовал ТОП-10 самых востребованных направлений подготовки и специальностей, среди которых «Экономическая безопасность», «Управление персоналом», «Торговое дело», «Менеджмент», «Экономика» и др.

Специальность «Экономическая безопасность» по этим данным при минимальном количестве бюджетных мест – **255** имеет самый высокий конкурс (количество заявлений на место) – **41,2**; при среднем балле ЕГЭ – **78,4**. Для сравнения, направление подготовки «Экономика» при максимальном количестве бюджетных мест **10311** имеет самый низкий конкурс – **21,0** заявление на место; средний балл ЕГЭ – **81,2**.

Результаты, полученные в нашем исследовании, подтверждают данные Минобрнауки РФ, так как студенты, обучающиеся на специальности «Экономическая безопасность» в УГЛТУ, оценивают выбранную ими специальность как интересную, востребованную и перспективную, что говорит об их удовлетворенности выбором профессии и высокой оценке ее престижности и статуса в обществе.

УДК 094(47).083
ГРНТИ 19.51.09

Д.Ю. Пухов
УГЛТУ, Екатеринбург

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРЕССА ПЕРИОДА ДУМСКОЙ МОНАРХИИ КАК ВЫРАЗИТЕЛЬ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (по материалам газеты «Вятская речь»*)

На материалах газеты «Вятская речь» в статье рассматриваются общественно-политические ориентации провинциальной интеллигенции начала XX в. Раскрывается позиция редакции и публицистов вятского издания по таким проблемам, как оценка режима думской монархии и российской партийной системы, сформировавшейся в ходе Первой русской революции, отношение к столыпинским реформам, землеустройству на Урале, российской модели индустриализации, профсоюзному движению, органам местного самоуправления и системе образования. Показаны поведенческие установки провинциальной интеллигенции.

Ключевые слова: интеллигенция, история Урала, уральская пресса начала XX в., вятская газета, думская монархия, столыпинские реформы.

Изучение общественно-политических ориентаций и установок провинциальной интеллигенции актуально для понимания как российских революций начала XX в., так и современных политических процессов. Одним из информативных источников по данной проблематике является региональная газетная пресса. В газетных публикациях отразились многие ценности и поведенческие установки, характерные для интеллигентской среды.

К началу XX в. чтение региональной периодики стало одной из составляющих повседневной жизни провинциальных представителей образованного слоя. Существенное расширение системы региональной печати в годы Первой русской революции свидетельствует о значительной политизации читательской аудитории, проникновении политических проблем в повседневную жизнь российского обывателя. Давая ту или иную картину событий, провинциальная пресса влияла на повседневный эмоциональный фон, социальные ценности и поведенческие установки относительно многочисленного круга читателей. В то же время покупатель или подписчик выбирал определенное издание исходя из своих политических предпочтений.

* Вятская речь. 1907–1914 гг.

Таким образом, функционирование системы региональной «прогрессивной» периодики можно рассматривать как один из способов воспроизводства субкультурных ориентаций и установок провинциальной интеллигенции.

Заметный след в развитии местной прессы дореволюционной эпохи оставили «Вятские епархиальные ведомости», выходившие с 1863-го по 1918-й г., и издававшаяся губернским земством с 1894 г. «Вятская газета», первая в стране «земская народная газета». За энергичную деятельность по ее широкому распространению Вятское земство получило в 1899 г. большую золотую медаль российского Вольного экономического общества. Тогда же, в конце XIX в., появились первые ростки независимой печати. Видные общественные деятели того времени П.А. Голубев и Н.А. Чарушин основали частную газету «Вятский край», которая начала выходить со 2 марта 1895 г. Впоследствии, с 1905 г., Чарушин стал издателем «Вятской жизни», проповедовавшей либеральные идеи. Газета выходила до декабря 1917 г., дважды меняя названия – сначала на «Вятский край», а затем на «Вятскую речь».

Одной из идейных доминант публикаций «Вятской речи» являлось критическое отношение как к режиму думской монархии, так и к действиям государственных органов различных уровней. В статьях губернской газеты отразилось эмоционально-окрашенное негативное восприятие периода, следовавшего после завершения Первой русской революции. «Успокоительная политика достигла блестящих результатов, – иронически утверждал В.Я. Волинский в первом номере 1910 г. – Русское общество не только успокоилось; оно почти замерзло». «Отошел в вечность старый 1909 г., темный год безвременья, мрачный как могила, душный как склеп», – писал автор редакционной статьи, помещенной в том же выпуске газеты. Подвергалось критике сохранение «исключительных положений», нежелание власти осуществлять политические преобразования; «... те, кто не способен на реформу, не способен на реформы», – утверждалось в одной из передовой статей («Вятская речь», далее В.Р., 1914. 15 апреля). Публицист, подписавшийся инициалами И.С., полагал, что правительственная политика «идет ... вразрез с потребностями и нуждами России» (В.Р., 1913. 1 января).

«Вятская речь» часто сообщала о злоупотреблениях и должностных преступлениях в среде российской бюрократии. Целый ряд статей был посвящен критике местных властей. Газета писала о незаконных, с точки зрения редакции, действиях полиции, негативно отзывалась о деятельности губернатора, сообщала о злоупотреблениях чинов

губернской администрации, случаях избияния заключенных в местных тюрьмах. Примечательно, что публикации «Вятской речи» о насильственных действиях полиции при взыскании недоимок с крестьян Котельнического уезда стали предметом обсуждения III Государственной Думы.

Тем не менее отношение газеты к всероссийскому представительному органу, сформированному на основе избирательного закона 3 июня 1907 г., также было по преимуществу негативным. С точки зрения вятских публицистов, дума являлась выразительницей интересов «имущих и привилегированных классов» и проводником «реакционных» мер бюрократии. «Дума мелких дел, очевидно неспособна подняться на такую высоту в своей работе, чтобы понять истинные нужды страны во всей их совокупности», – утверждала «Вятская речь» (В.Р., 1908. 14 марта). Газета неоднократно заявляла, что состав третьего и четвертого созывов не отражает общественно-политические настроения большей части населения. Государственный Совет, по мнению редакции, проводил «исключительно бюрократическо-дворянскую политику».

В то же время «Вятская речь» выступала за активное участие оппозиции в думских выборах 1912 г. При этом выражалась уверенность, что в их результате состав думы может существенно измениться. Газета призывала избирателей голосовать за «прогрессивных» кандидатов, выступающих за «действительное осуществление манифеста 17 октября» (В.Р., 1912. 1 октября).

Редакция привлекала внимание читателей к фактам отстранения оппозиционных кандидатов от участия в выборах, отмены результатов выборов в случае победы прогрессивного кандидата. Подвергался критике избирательный закон 3 июня 1907 г., указывалось, что свободно вести агитационную кампанию могут только правые партии. Подводя итоги выборов в IV Государственную Думу, газета писала, что они не отражают настроения избирателей. По мнению редакции, несмотря на то, что в Думу прошло значительное количество правых депутатов, в обществе усиливаются оппозиционные настроения.

«Вятская речь» не поддерживала какую-либо конкретную политическую партию. В газете помещались публикации о видных теоретиках социализма, информация о социалистическом движении в Российской империи и в других странах. В 1911 г. редакция осудила арест социал-демократических депутатов Государственной Думы и фактически поддержала запрос по этому поводу, внесенный социал-демократами. Негативно отзывалась «Вятская речь» о закрытии ле-

гальных социал-демократических газет «Луч» и «Правда». В отдельных публикациях содержались критические отзывы о большевиках.

Незадолго до выборов в IV Государственную Думу в «Вятской речи» была помещена статья, автор которой полагал, что программы всех российских прогрессивных партий нуждаются в корректировке, так как они «были составлены кабинетным путем и приспособлены к психологии интеллигентной части общества» и не учитывали в полной мере настроения широких масс. По мнению автора статьи, создание Трудовой группы представляло собой первую попытку образования подлинно «народной» партии (В.Р., 1912. 8 апреля).

Отзывы «Вятской речи» о правых и правоцентристских политических силах носили исключительно негативный характер. «Союз 17 октября» характеризовался редакцией как партия «архиумеренной крупной буржуазии», которая потратила «благодаря чрезмерной угодливости все свое четырехлетнее пребывание в Думе на систематическое укрепление антиконституционных тенденций». Партия правового порядка, по мнению газеты, проводила идеологию «крупной цензовой бюрократии», а прогрессисты являлись выразителями взглядов торгово-промышленной буржуазии. Правые политические силы, с точки зрения авторов газеты, действовали в интересах бюрократии и состоятельных слоев общества. Неприемлемой для публицистов вятского издания была националистическая и антисемитская окраска правой идеологии.

Значительное внимание уделялось на страницах «Вятской речи» обсуждению столыпинской аграрной политики. По мнению редакции, мероприятия, направленные на разрушение общины, преследовали политические цели. «... Закон 9 ноября является лишь этапом к 3 июня», – утверждалось в редакционной статье. «Реформа была призвана сформировать «крестьянина крепкого на земле, зажиточного, довольного доходом и влиятельного в округе, а потому и глубоко консервативного», – писал автор другой публикации (В.Р., 1908. 9 ноября, 11 декабря).

С точки зрения вятского издания, разрушение общины должно было привести к негативным социально-экономическим и политическим последствиям. Закон 9 ноября 1906 г., по мнению редакции, способствовал разжиганию междоусобицы в деревне и развитию земельной спекуляции. Предсказывалось, что он «окончательно подорвет крестьянское хозяйство» и приведет к пролетаризации деревни.

Аналогичные оценки давались и в авторских публикациях. В статье за подписью Х. утверждалось, что «вместо успокоения», на кото-

рое надеялось правительство, произойдет «полное расстройство хозяйственной жизни страны, обострение отношений и богатый материал для хронической анархии и разных видов и форм революционного брожения». П. Вениаминов писал, что реформа не сможет решить политических задач, поскольку она создает антагонизм между меньшинством крестьян, которые выходят из общины, и большинством общинников, которые испытывают значительные неудобства, связанные с выделением отдельных хозяйств. В результате, считал П. Вениаминов, общинники «неизбежно оказываются в оппозиции» (В.Р., 1908. 30 мая; 1909. 1 ноября).

Редакция подвергала критике политику правительства, направленную, по ее мнению, на «насильственную ломку» общины. «Если община несостоятельна, то она погибнет сама собой и, раз этому благоприятствуют жизненные условия, естественно уступит свое место подворному владению. Никаким принудительным мерам здесь не должно быть места», – писала «Вятская речь» (В.Р., 1908. 25 октября). Неоднократно на страницах газеты встречаются утверждения о том, что большинство крестьян не хотят выходить из общины. Отмечалось, что реформа идет низкими темпами, сообщалось, что на крестьян оказывается административное давление с целью добиться их выхода из общины.

В ряде статей подвергалось сомнению экономическая целесообразность создания хуторов, утверждалось, что общинное землевладение не препятствует прогрессу сельского хозяйства. «Вятская речь» негативно отозвалась о намерении губернского земства оказывать преимущественную материальную и агрономическую помощь хуторам.

С точки зрения редакции, политика Крестьянского банка способствовала обезземеливанию и пролетаризации крестьянства. В статье Н.О. Янушкевича утверждалось, что банковская рассрочка платежей может быть выгодной только для «капиталистического», а не для «трудового» хозяйства. «В капиталистическом хозяйстве известная прибыль может получаться регулярно и ежегодно, трудовое же хозяйство, в большинстве случаев, дает крестьянину только заработную плату», – писал Н.О. Янушкевич (В.Р., 1913. 27 июня). В результате, считал автор статьи, «трудовое» крестьянство не в состоянии рассчитаться с банком. По мнению авторов публикаций в вятском издании, Крестьянский банк, действуя преимущественно в интересах дворян, способствовал росту цен на землю.

Негативно оценивались в публикациях «Вятской речи» итоги крестьянского переселения на сибирские земли. В ряде статей утверждалось, что «система переселения потерпела полное фиаско», поскольку «волна обратного переселенческого движения растет с каждым годом».

Редакция вятского издания считала, что решение аграрного вопроса невозможно «без коренного обновления всей нашей политической жизни, без широких творческих социально-экономических преобразований» (В.Р., 1908. 15 июня). Газета писала о необходимости дополнительного наделения крестьян землей.

Подвергался критике и ход землеустройства на Урале. В статье за подписью Зауральский утверждалось, что горнозаводчики затягивают решение вопроса о посессионных землях и осуществляют вырубку лесов, которые могут отойти к рабочим. Тот же автор выступил против правительственного решения об обязательном обмене при землеустройстве земель, «занесенных в уставные грамоты уральского населения, на земли, отводимые заводовладельцами». «Земли рабочих, назначенные к обязательному обмену заводовладельцами, обладают богатыми недрами, – пояснял публицист, – разработка которых рабочим воспрещена впредь до решения вопроса сенатом. Взамен их заводовладельцы предлагают обыкновенные покосные угодья с неисследованными недрами» (В.Р., 1911. 22 января). Д. Васильев считал недопустимым закрепление посессионных земель за заводчиками, рассматривая это как «новое расхищение казенных земель».

Перспективы развития российской промышленности, с точки зрения публицистов «Вятской речи», были тесно взаимосвязаны с проведением политических реформ, а также преобразований, направленных на повышение жизненного уровня демократических слоев общества. Так, в одной из редакционных статей утверждалось, что для возрождения отечественной индустрии необходим «подъем благосостояния населения, для чего нужно осуществление правового строя, широкого народного представительства, осуществление коренной земельной реформы и проведение в жизнь свободы, при которой только и возможно развитие народной инициативы» (В.Р., 1908. 10 апреля).

Негативно отзывались авторы газеты о деятельности монополий, которые, по их мнению, создавались с целью ослабления конкуренции, повышения цен и ужесточения эксплуатации наемного труда. Некоторые публицисты связывали процесс возникновения монополий с характером российского политического режима. «Крупная буржуазия, пользуясь политической реакцией, сковавшей по рукам и ногам ини-

циативу и самодеятельность населения, берет реванш за все страхи, пережитые ею в недавнем прошлом, с беззастенчивым цинизмом распоряжаясь народным карманом», – утверждал Н. Кролюницкий (В.Р., 1908. 1 апреля). Автор другой публикации полагал, что законодательное регулирование деятельности синдикатов невозможно до тех пор, «пока не будет создано широкое законодательство, дающее простор всем формам организации потребителей и рабочих и пока не будет устранен в этой области административный произвол». А.В. Никитский считал, что для борьбы с монополиями необходимо не только развитие потребительской кооперации, но и «огосударствление и муниципализация в первую голову тяжелой индустрии», а также национализация недр (В.Р., 1911. 12 марта; 1913. 13 марта; 1913. 24 марта).

Обсуждались на страницах газеты и другие общественно-значимые аспекты функционирования промышленности. Д. Васильев, соглашаясь с требованием обобществления недр, считал, что предварительным условием для национализации промышленных предприятий является демократизация политического строя. «Вятская речь» выступала против протекционистской таможенной политики.

Газета писала также о проблемах уральской промышленности. М. Бакин, стремясь защищать интересы рабочих Воткинского завода, выступал против закрытия этого предприятия. Авторы публикаций «Вятской речи» возражали против прекращения работы Холуницких заводов, полагая, что причиной их упадка является некомпетентное управление. По мнению публицистов, в случае передачи заводов рабочим, они смогли бы наладить рентабельное производство.

«Вятская речь» писала о тяжелом положении рабочих: неудовлетворительных условиях труда и быта, безработице, низкой оплате труда. Газета сообщала о рабочем движении в России и других странах.

Редакция выступала за «расширение и углубление рабочего законодательства», в частности за введение свободы союзов, стачек, собраний. Подвергалась критике правительственная политика по рабочему вопросу. «В то время как капиталу предоставляется полная свобода организации, профессиональные союзы рабочих закрываются, все профессиональное движение сведено в настоящее время почти на нет», – писал автор одной из редакционных статей. В той же публикации отмечалось, что фактический запрет на легальную деятельность профсоюзных организаций вызывает «всякого рода эксцессы, потрясающие нашу промышленность, рост экономического террора в ущерб планомерной и организованной борьбе лучшие условия труда» (В.Р., 1908. 16 мая).

Д. Васильев призывал уральских рабочих объединяться в профсоюзы на экономической почве. В одном из номеров было опубликовано изложение статьи Г.В. Плеханова, полагавшего, что социал-демократы не должны требовать организационного подчинения профсоюзов партии, но обязаны создавать социал-демократические ячейки в профсоюзах.

«Вятская речь» знакомила читателей с тем, как идет разработка рабочего законодательства, а также с содержанием законов, затрагивавших интересы рабочих. На страницах вятского издания с демократических позиций подвергались критике законы, законопроекты и постановления местных властей, регламентировавшие организацию труда приказчиков. Редакция поддержала идею созыва Всероссийского съезда торговых служащих.

Газета писала о необходимости земской помощи кустарям: организации мелкого кредита и сбыта кустарных изделий, содействия созданию кооперативов. В то же время в «Вятской речи» была перепечатана статья, автор которой считал, что кустарное производство не в состоянии конкурировать с фабричным, а идея совмещения кустарного труда с сельскохозяйственным неосуществима, так как при развитии ремесел крестьяне теряют связь с землей. «Кустарь может продолжать существовать лишь благодаря ужасным условиям производства и низкой заработной плате, которой он готов довольствоваться», – писал автор статьи. По мнению В. Голубева, многие отрасли кустарного производства были не в состоянии конкурировать с фабричной промышленностью. Именно земство, считал публицист, должно было в этих условиях «занять место организатора производства на капиталистических началах с тем, чтобы впоследствии ... передать ведение его артелям кустарей» (В.Р., 1910. 14 февраля; 1913. 25 июля).

Редакция вятского издания выступала за изменение государственной налоговой политики, которая, с точки зрения автора одной из передовых статей, была «до такой степени проникнута сословным и классовым началом», что требовала «самой радикальной ломки в интересах широких масс населения». Налоговая система, по словам публициста, была обращена «своим острием против трудящихся классов». При этом изменение существующего положения представлялось ему невозможным без политических реформ. «Вятская речь» выступала за введение подоходного налога и увеличение государственных социальных расходов.

На страницах газеты пропагандировались идеи кооперативного движения. По мнению редакции, кооперативы не могли обеспечить

«радикального решения социальных проблем», стать орудием «для борьбы с развитием капитализма» и «спасения мелкого производства». Перед кооперативными объединениями, с точки зрения «Вятской речи», должны были стоять следующие задачи: «поднять, насколько это возможно в пределах современного общества, материальный уровень широких слоёв народа» и, кроме того, сыграть «организационную роль», т. е. объединить представителей демократических слоев общества и в случае нового революционного подъема послужить опорой для оппозиционного движения (В.Р., 1908. 16 мая). Редакция считала необходимым создание кооперативного законодательства, в частности введение явочного порядка регистрации кооперативов и их союзов. По мнению публицистов, административные органы в ряде случаев препятствовали развитию кооперации. «Вятская речь» критически отозвалась о попытках правых организаций создавать собственные кооперативы. С точки зрения редакции, подобные объединения были нежизненными, так как идеи кооперации противоречили интересам лавочников и кулаков, как известно играющих видную роль среди союзников.

Значительное количество публикаций вятского издания было посвящено вопросам функционирования органов местного самоуправления. Газета критиковала практику назначения руководителей земств и городских дум в административном порядке, негативно отзывалась о работе назначенных губернатором городских и земских деятелей Вятской губернии. Редакция «Вятской речи» выступала против проводившегося губернским земством сокращения расходов на образование, здравоохранение, земскую агрономию и содействие кустарным промыслам. Произошедшее во время революции 1905–1907 гг. восстановление состава органов местного самоуправления, по мнению публицистов, привело к кризису в их деятельности. В то же время «Вятская речь» призывала избирателей активно участвовать в местных выборах, вела в ходе избирательных кампаний агитацию против правых кандидатов.

Публицисты вятского издания выступали за демократизацию порядка формирования земств и городских дум, за создание волостного земства, ослабление административной опеки над местным самоуправлением, организацию дешевого кредита для городов и земств. Газета негативно отзывалась о проведенном в обход Государственной Думы законе о земстве в западных губерниях, который, по словам автора редакционной статьи, создавал «выгодное положение для имущих классов».

Авторы публикаций «Вятской речи» считали необходимым реформирование российской правовой и судебной системы: отмену исключительных положений и смертной казни, введение неприкосновенности личности и равенства всех граждан перед законом, создание несословного волостного суда.

На страницах газеты пропагандировалась идея свободы совести. Публицисты предлагали провести ряд реформ внутри православной церкви: предоставить приходу права юридического лица, демократизировать выборы в приходской совет, отменить ограничения прав духовных лиц, которые оставляют свой сан. В статьях вятского издания подвергалось критике руководство православной церкви, которое, по мнению публицистов, придерживалось недемократических взглядов и проводило политику, несоответствующую интересам белого духовенства.

Значительное количество публикаций «Вятской речи» было посвящено проблемам народного образования, решение которых, с точки зрения редакции, было возможно только при условии проведения политических реформ. «Народное образование всегда было важнейшим орудием политики», – отмечал автор одной из редакционных статей (В.Р., 1914. 3 января). Публицисты вятского издания выступали за скорейшее введение всеобщего начального образования. Предлагалось усилить влияние родительских комитетов, земств и общественных организаций на процесс обучения, ослабить политический и религиозный надзор. По мнению редакции, «основной ячейкой всероссийской школьной сети» должна быть «светская школа, потому что только она располагает кадром людей надлежащего опыта и подготовки, только она чужда реакционных целей, только она может удовлетворить потребностям в знаниях всего населения без различия религии и национальности». На страницах газеты подвергалось критике церковно-приходское образование. Авторы публикаций в «Вятской речи» считали, что школа не должна быть сословной. Публицисты выступали за облегчения перехода из начальной школы в среднюю, отмену переводных экзаменов в средней школе, совместное обучение, изменение системы оценок, сокращение объема преподавания классических дисциплин. Газета писала о необходимости развития системы внешкольных образовательных и просветительских учреждений.

«Вятская речь» поддерживала идею университетской автономии, выступала за равноправие при поступлении в высшие учебные заведения и увеличение числа студентов. На страницах вятского издания

подвергались критике правительственная политика в области образования. Газета обращала внимание читателей на неблагоприятное материальное положение народных учителей и студентов. Анализ идейного содержания публикаций «Вятской речи» позволяет сделать вывод о том, что это издание в 1908–1914 гг. имело демократическую направленность. Негативное отношение газеты к разрушению крестьянской общины, а также отсутствие на ее страницах критики политических сил народнического толка, сочетающееся с наличием отдельных критических материалов о других оппозиционных течениях, свидетельствует о том, что рассматриваемое издание имело неонародническую окраску.

В материалах «Вятской речи» нашли отражение как идеи демократизации российской политической системы, реализации гражданских прав и свобод, активного использования легальных возможностей участия в общественной жизни, имевшие модернизаторско-вестернизаторский характер, так и традиционалистские общинные ценности.

Важное место в структуре ориентаций создателей и читателей газеты занимает негативное отношение практически ко всем государственным институтам периода думской монархии, включая церковь и систему образования, а также к наиболее зажиточным социальным группам, правым и праволиберальным политическим силам. Редакция стремилась выражать интересы лишь низших слоев российского общества. Представляется, что подобный набор ценностных установок части российской интеллигенции в значительной степени затруднял процесс мирного эволюционного развития России в начале XX в. Не идеализируя систему думской монархии, необходимо отметить, что это был один из самых либеральных режимов в истории Российского государства. События 1917 г. и последующих десятилетий показали утопичность установок на быструю демократизацию политической системы и осуществление идей народнического социализма.

УДК 11
ГРНТИ 02.41+04.51.63

Е.А. Калистратова
УГЛТУ, Екатеринбург

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ДОСУГ

Исследуется соотношение таких феноменов человеческого существования, как повседневность и досуг. Досуг выступает как оппозиция повседневности и как ценность повседневной жизни современного человека.

Ключевые слова: повседневность, досуг, праздник, отдых, свободное время, ценность.

При изучении повседневности невозможно обойти тему досуга, свободного времяпрепровождения. Это связано с тем, что научное понимание повседневности по сути дела невозможно свести к общему знаменателю. Повседневность – это многоликий объект само собой разумеющейся реальности, исследование которого представлено широким диапазоном исследовательских задач и используемых подходов. «Импрессионизм» повседневности неизбежно побуждает исследователей к осмыслению ее феномена в связи с внеповседневными реалиями жизни и даже вопреки им [1]. Досуг, развлечения, праздность противопоставляются повседневности, являясь внеповседневными жизненными реалиями.

Повседневность понимается как фундаментальная реальность, в которой «постоянно пребывает большинство людей. Поэтому этот мир воспринимается конкретной личностью как естественный, неизменный и предзаданный ... это порядок жизни, часть жизненного процесса личности, включающий в себя рутиннообразные, повторяющиеся жизненные явления и связанные с ними условия воспроизводства ее жизнедеятельности» [2, с. 699].

Одним из способов воспроизводства жизнедеятельности человека и восстановления его жизненных сил является досуг, свободное времяпрепровождение.

Что же такое досуг? Досуг – это совокупность занятий в свободное время, с помощью которых удовлетворяются непосредственные физические, психические и духовные потребности в основном восстанавливающего характера. Считается, что к досугу не относятся такие непреложные виды занятий, имеющие биологическую основу восстановления, как прием пищи, сон, личная гигиена и т. п. Досуг, по мнению Г.П. Орлова, это «специфически социальный способ регенерации сил человека» [3].

Досуг – та часть свободного нерабочего времени, которой человек располагает по своему усмотрению. Досуг – это деятельность ради собственного удовольствия, самосовершенствования или достижения собственных целей по собственному выбору, а не по причине материальной необходимости. Досуг – это деятельность, которой люди занимаются просто потому, что она им нравится. Возможности проведения досуга могут быть ограничены следующими факторами: выбирать можно только то, что доступно; из того, что можно позволить себе с материальной точки зрения; развиваться можно только так, как это принято в данном обществе и в данное время [4, с. 37]. Главным в понимании структуры досуга является взаимопроникновение потребления и созидания, пассивности (ее нельзя оценивать только отрицательно) и активности, восстановления и развития. Общим знаменателем выступает культура самой личности, ее жизненная позиция.

Давая определение повседневности, Н. Элиас раскрывал содержание этого понятия через ряд ее смысловых оппозиций, среди которых нам интересны, например, следующие: повседневность как противоположность празднику; повседневность как рутина в отличие от нерутинизированных сфер общества; рабочий день в противоположность праздности; частная жизнь в отличие от официальной или профессиональной [1, с. 24].

Праздник, как род досуга, трактуется как оппозиция повседневности, перерыв в повседневности. Он предполагает относительную свободу бытия в пространстве и времени или торжество, сопровождаемое развлечениями, приносящими удовольствие. Синонимичное концепту «праздник» понятие «развлечение» предполагает действия, способствующие отвлечению от текущих дел и мыслей посредством иных занятий (серьезных или праздных), приносящих психологическое и физическое расслабление. Праздники и развлечения – своеобразная изнанка повседневного бытия, где наслаждение и радость в равной мере могут быть составляющими труда и отдыха. Развлечения раскрепощают человеческую душу, освобождают от забот повседневности, негативных эмоций, долгов и обязательств. «Человек повседневный» (и от природы «играющий») и «Человек праздничный», меняясь ролями, перевоплощаются друг в друга.

Казалось бы, что повседневность противостоит праздному времяпрепровождению, досугу, но в пространстве повседневности сходятся и взаимодействуют «линии жизни» всех сфер человеческого бытия и разных культур – политической, профессиональной, досуговой, приватной и публичной [1].

Во-первых, по мнению А. Лефевра, «повседневность можно анализировать как нечто унифицирующее основные сферы социальной жизни: работу, семью, частную жизнь, досуг. Эти сферы, хотя их формы и различны, обладают на практике структурным сходством, позволяющим нам раскрыть то, что их объединяет – организованную пассивность. В досуге это означает пассивность зрителя перед образами и ландшафтами; на рабочем месте – пассивность перед лицом решений, в принятии которых работник не участвует; в частной жизни это означает навязывание потребления, поскольку нашим выбором управляют, а потребности создаются рекламой и маркетинговыми исследованиями ...». Здесь можно сказать, что человек в повседневной жизни становится потребителем индустрии досуга, предлагающей определенный выбор: «выбирать можно только то, что доступно; из того, что можно позволить себе с материальной точки зрения и развиваться можно только так, как это принято в данном обществе и в данное время».

Во-вторых, как писал Б. Вальденфельс, *повседневность* «это правильная печь», т. е. место «обмена мнениями»; место, где различные сферы «перекрещиваются и переплетаются»; место, «где пестро перемешаны работа, праздник и увеселения». Кроме того, у повседневности есть особенное качество – она может становиться «большим, чем просто повседневная жизнь, то есть когда она сама себя превосходит». Это превосходство над собой возможно, пока повседневное сохраняет свою обратную сторону – «внеповседневное», непривычное, находящееся вне обычного порядка, то, что не вписывается в привычный мир. Человек как «нефиксированное» животное существует не только в порядке повседневности, а как бы на пороге между обыденным и необычным, которые соотносятся друг с другом как передний и задний планы, как лицевая и обратная стороны. «Повседневность имеет свой опыт и свою мудрость, свое лицо, свое предвидение, свою повторяемость, но также и свою необычность, свои будни и свои праздники» [5].

Раскрывая природу повседневности И.Т. Касавин и С.П. Щавелев отмечали, что повседневности во всех ее ипостасях «не соответствует некоторая автономная сфера; не существует субстанции повседневности. Все ипостаси повседневности – не самодостаточны, не существуют вне иных проявлений человеческого бытия и сознания. Субстанциональная фрагментарность повседневности объясняется ее функциональным характером. *Повседневность* – диспозитивный предикат, феномен, актуализирующийся в определенных условиях и

неразличимый в других. Повседневность скрепляет собой разные типы сознания, деятельности и общения, существуя лишь в промежутках между ними». Повседневность как реальность представляет собой: «а) материал для творческого преобразования; б) область испытания методов путем решения стандартных задач (разгадывание головоломок); в) способ усвоения и фиксации творческих достижений; г) свободное пространство рекреации и переключения на иные виды деятельности» [6, с. 414]. Творчество, свобода выбора, новые виды деятельности – это не только то, что наполняет досуг, но и то, что развивает личность и преобразует повседневность.

А. Шюц в свое время отмечал, что архетипом нашего переживания реальности в повседневной жизни является мир работы, а все другие области значений можно рассматривать как его модификации [7, с. 427]. Досуг можно отнести к такой конечной области значений. Тем более, что «По ходу всемирной истории некая часть содержания обыденности, особенно трудовой, уходит в небытие культуры или же перемещается в сферу досуга, играющего таким образом роль своеобразного «отстойника вечности» (В. Степанцов). Скажем, рыболовство, охота, собирательство грибов, ягод и прочих растений, пчеловодство, огородничество, садо- и цветоводство, верховая езда, собако- и вообще звероводство, плавание на лодках, прочие путешествия, многие другие занятия в древности и в средневековье, бывшие безусловно необходимыми для большинства членов многих социумов (после промышленной революции и особенно с наступлением постиндустриальной эры), превращаются в более или менее элитарные развлечения какой-то части населения экономически развитых стран» [6, с. 102–103].

Свободное времяпрепровождение, отдых, связанный с путешествиями, переездами (даже просто выезд на дачу или на садовый участок), могут изменять структуру и функции повседневности. «Динамизм мира повседневных явлений означает относительность его смысловых границ. То, что вполне рутинно для одного человека или социума в некоторый период его жизни, для другого способно предстать яркой экзотикой (на этом, между прочим, основана индустрия туризма, в особенности дальнего и экстремального; вообще декоративных развлечений вроде нынешних диснейлендов или закрытых клубов для игры в гольф, пейнтбол и прочих развлечений). Пожалуй, ни одно отдельно взятое явление жизни или культуры не может быть признано раз навсегда будничным или небудничным. Это зависит от точки зрения, способов оценки» [6, с. 104].

И здесь можно сказать, что повседневность, с одной стороны, является самодостаточной, но, с другой стороны, повседневность, «взятая в целом как социальный феномен, вряд ли мыслима без определенного набора своих бинарных оппозиций (вроде игры, праздника, ритуала, беды, прочих вызовов жизни...)», а в нашем случае, досуга. «Между соответствующими моментами, сторонами людского бытия происходит информационно-энергетический обмен; их целостная система создает своего рода экологическую нишу для человеческого тела и духа» [6, с. 106].

Повседневность, являясь зоной личного бытия, дает человеку возможность жизнотворчества, благодаря существующим «зазорам» для своих оппозиций и противоположностей, например для развлечений, досуга, отдыха и различных видов досуговой деятельности. Результатом этого становится опыт, приобретаемый человеком в различных жизненных ситуациях. Если повседневность будет лишена открытости и многозначности, будет разрушена и область индивидуальных решений и выборов, область рождения личности.

И.Б. Хмельницкая в своем исследовании «Спортивные общества и досуг в столичном городе начала XX в.: Петербург и Москва» приводит цитату из статьи графини С.В. Паниной, основательницы Лиговского народного дома для жителей петербургской окраины: «Решающим моментом и влиянием в жизни человека является не труд, а тот досуг, который остается у него после труда. Только в часы досуга есть место для любви и радости, для всего того, что превращает робота в человека и человека в личность. И часто в жизни лучше узнаешь человека не столько по служебным делам его, сколько по тому, чем он заполняет свои досуги» [8, с. 9].

В качестве заключения стоит сказать, что при анализе повседневности тему досуга невозможно обойти, потому что ценность досуга как оппозиции повседневности это не только возможность исследовать переход из сферы привычного и рутинного в область необычного, праздничного, радостного, всего того, что доставляет человеку удовольствие, но и возможность изучения изменений, происходящих в повседневности. Кроме того, для человека в повседневности словом «ценность» можно обозначить все то, что обладает для людей в обществе особой ценностью, выделяющейся на привычном фоне их обыденной жизни, и потому предпочитается ими в чувствах, мыслях, желаниях. Ценность придает смысл поведению, становясь внутренней доминантой его намеренных, а иногда и неосознаваемых действий. Среди ценностных ориентиров человека в повседневной жизни выде-

ляют ценность жизни и здоровья, ценность удовольствия, а также ценность отдыха и развлечений, ценность досуга. Но здесь следует сказать, что ценность свободного времени для россиян в целом достаточно велика, хотя и не обладает безусловным приоритетом. На наш взгляд, человек обязательно должен использовать возможности досуга, поскольку досуг является важным фактором личностного развития, благополучия, счастья, профессионального и жизненного долголетия, спокойствия и альтернатив, что особенно актуально в кризисные периоды повседневной жизни наших современников – россиян, причем, принадлежащим к разным социальным, профессиональным и возрастным группам.

Библиографический список

1. Манкевич И.А. Поэтика обыкновенного: опыт культурологической интерпретации: монография. СПб.: Алетейя, 2011. 712 с.
2. Социокультурная антропология: История, теория и методология: энциклопедический словарь / под ред. Ю.М. Резника. М.: Академический проект, Культура; Киров: Константа, 2012. 1000 с.
3. Орлов Г.П. Свободное время и личность. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд., 1983. 176 с.
4. Социология: словарь. М.: Академия, 1997.
5. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // СОЦИО-ЛОГОС; пер. с англ., нем., франц. М.: Прогресс, 1991. С. 39–50.
6. Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М.: Канон+, 2004. 432 с.
7. Шюц А. О множественных реальностях / А. Шюц // Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2004.
8. Хмельницкая И.Б. Спортивные общества и досуг в столичном городе начала XX века: Петербург и Москва. М.: Новый хронограф, 2011.

РАЗДЕЛ 3

ПРОБЛЕМЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

УДК 502
ГРНТИ 87.27.07

Е.В. Баженова
УГЛТУ, Екатеринбург

ЗООПРОСТРАНСТВО В СТРУКТУРЕ МЕГАПОЛИСА: К ПРОБЛЕМЕ ЭКОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается функционирование зоопространства в структуре мегаполисов как один из экологических аспектов городской культуры. Обозначены три актуальных направления в анализе проблемы зоопространства: во-первых, процессы пересечения природных и культурных границ на карте мегаполисов; во-вторых, функционирование малых культурных пространств, предназначенных для общения человека и животных; в-третьих, тема животных-маргиналов, обитающих на периферии городских пространств.

Ключевые слова: экологическая культура, зоопространство, урбанистическая культура, синурбанизация, культурное пространство.

Хотя проблему культуры природопользования стоит признать одним из вечных вопросов бытия человека на Земле, именно вторая половина XX в. характеризуется обострением проблем взаимодействия человека с природной средой и появлением качественно новых аспектов этого взаимодействия. В XX столетии рост антропогенного воздействия на природу привел не только к обострению локальных, как в прошлом, экологических проблем, но и к тревожным проявлениям глобального экологического кризиса.

В этих условиях мы наблюдаем постепенное изменение сознания людей. Современный человек стремится преодолеть отчуждение между собой и природой, которое возникло в результате развития техногенной цивилизации. Сегодня формируются основания экологической культуры, которую мы можем определить как систему ценностных ориентаций, утверждающую идею гармоничного взаимодействия человека и природы, осознание ответственности людей за сохранение биосферы.

Одной из важнейших причин глобальных экологических проблем современности является небывалый рост мегаполисов в XX – начале XXI вв. Город, с одной стороны, является «высшей формой экологической организации, кульминацией эволюционного развития всего живого» [1]. С другой стороны, город – это антипод природы, это искусственная, наиболее крупная техногенная среда обитания, созданная человеком в своих интересах. «Сама идея города как места обитания вобрала в себя весь пафос возвышения человека над природой. Город – это вторжение человека в мир природы... В самой логике развития городов много от природной стихии, они нередко возникают как результат естественного эволюционирования, однако результат этого эволюционирования – искусственная среда, по своей сути чуждая природе», – пишет Е.Н. Заборова [2]. На протяжении нескольких последних столетий природа воспринималась человеком как «мастерская», которая может и должна быть преобразована согласно его потребностям. В современных условиях мегаполисы рекордными темпами расширяют свое пространство, поглощая живую природу. Представляется, что сегодня граница города должна ограждать природу от человека, а не наоборот.

В этих условиях особенно актуален анализ экологических составляющих современной городской культуры. Изучение текстов по теме урбоэкологии позволяет нам выделить несколько основных аспектов, характеризующих экологическую ситуацию в больших городах:

- исследование и преодоление влияния неблагоприятных факторов городской среды на здоровье человека (химические, физические, социально-психологические и информационные стрессы создают постоянный источник опасности для благополучия современного горожанина);

- развитие природоохранной и природовосстановительной деятельности человека, субъектами которой выступают органы власти, хозяйственные предприятия и организации, общественные движения;

- решение проблемы утилизации промышленного и бытового мусора (что предполагает изменение сознания жителей городов, а также техническое обеспечение отдельного сбора мусора, например);

- рациональное проектирование и экологически оптимальные варианты строительства городских структур;

- реализацию специальных требований к визуально-эстетической организации городской среды, которая должна оказывать положительное влияние на человека;

– воспитание активной гражданской позиции и чувства персональной ответственности каждого человека в отношении к природе.

В нашей работе мы будем анализировать такой экологический аспект городской культуры, как функционирование зоопространства в структуре современных мегаполисов.

Под зоопространством мы понимаем особую форму культурного пространства, формирующуюся в границах большого города и предназначенную для общения человека и животных. Содержанием зоопространства выступает система отношений между человеком и животными. Координаты зоопространства складываются из наложения физических, социальных и культурно-символических характеристик [3].

С момента появления города как культурного феномена человек делил городскую территорию с животными. Это изначально было сопряжено со многими трудностями, которые только усугублялись по мере роста городов.

По нашему мнению, проблему функционирования в больших городах «зоопространства» следует анализировать в нескольких основных направлениях. Во-первых, обозначим тему пересечения природных и культурных границ на территории современных мегаполисов. Во-вторых, это выделение на территории мегаполисов малых культурных пространств, предназначенных для взаимодействия человека и животных. И, наконец, в-третьих, это изучение темы животных-маргиналов, обитающих на периферии городских пространств.

1. Признак, заложенный в этимологии слова «город» («огороженное место»), всегда был определяющим. Городское пространство находится внутри границы, которая не только отделяет его от сельского пространства, но и отделяет от мира природы. Однако границы эти оказываются проницаемыми и бесконечно пересекаются как в физическом, так и в символическом смыслах.

Ярким примером разлома границ между природным и культурным выступает процесс синурбанизации, т.е. приспособления диких животных к жизни в городе. Сегодня синурбанизация имеет широкое распространение в европейских странах. В городских парках европейских государств и просто на улицах встречаются дикие животные, которые могут быть причиной беспокойства для горожан. Эти животные в любой момент могут уйти за пределы урбанистической среды, но они предпочитают жить рядом с человеком. По мнению экологов, синурбанизация – это ответ природы на глобальную урбанизацию. В данном случае мы наблюдаем процесс размывания границы между природой и искусственной городской средой.

Влияние урбанизации на дикую природу и обратный процесс – вторжения природы в городскую среду – отражено во многих художественных проектах нашего времени. Вспомним здесь творчество трех всемирно известных авторов из разных стран, выполняющих свои работы в разной манере, выражающих себя в разных видах искусства, но актуализирующих в своих произведениях одну и ту же тему – экологии современных городов и взаимоотношений человека и животных в условиях урбанистической среды, в том числе и в аспекте синурбанизации. Это эко-сюрреалистические творения Джоша Кейеса (США), серия «Animal regulation» художника Ди Лю из Китая и граффити бельгийского уличного художника ROA. Эти работы раскрывают перед нами историю пребывания диких животных в пространстве больших городов, в мире современного человека, который мы выстраиваем под себя, не оставляя места для других. Повествования художников представляют картину безжалостного техногенного мира, в котором вынуждены существовать животные. Некоторые произведения призваны шокировать зрителя, вызывая чувство дискомфорта и страха, другие, напротив, провоцируют улыбку. Творчество названных нами художников – это призыв к человечеству жить в балансе с окружающей природой и живыми существами, которые ее населяют. Оно направлено на формирование у людей способности понимания неразрывной связи человеческого сообщества с природной средой и применения этого понимания в практической деятельности.

2. Культурное пространство мегаполиса представляет собой сложную многоуровневую структуру. В этой структуре оформлены отдельные области, предназначенные для взаимодействия людей и животных: квартиры, подвалы, цирки, зоопарки и т. п. Каждое из этих малых пространств не только представляет собой самостоятельную целостность, наделенную особыми социокультурными функциями, но и выступает как элемент единого культурного пространства мегаполиса. Некоторые из них имеют длительную историю (цирки, зоопарки), другие порождены налаженным образом жизни в больших городах (салоны красоты, спортивные залы, гостиницы для животных и т. п.) [3].

Цирки и зоопарки как особые формы культурного пространства начали функционировать в самом начале человеческой истории и существуют практически в неизменном виде по сей день. Хотя смыслы, которыми они наделяются в культуре, меняются, потребности людей в таких формах досуга по-прежнему остаются, особенно это характерно для больших городов.

Зоопарки в современных условиях выполняют различные функции – от просвещения широкой публики до разведения животных в неволе с целью сохранения вида. Однако наиболее актуализированной оказывается развлекательная функция. Зоопарк с многочисленными аттракционами, кафе, сувенирными лавками трансформируется в своеобразный «аттракцион со зверями».

Явственно сегодня проблематизирована тема зоопарка как границы культурного и природного. В зоопарке животное представляется посетителю в некотором «приготовленном виде»: в клетке, за стеклом, снабженное табличкой с названием, описанием ареала обитания и способа размножения. В модели зоопарка «... ограждение вольера означает границу между человеком и животным, представленную как границу между изменчивым дискурсивным пространством человеческой культуры и невидимой жизнью природы», – замечает М. Соколовская в пресс-релизе выставки «Библиотека животных» [4].

Как и другие культурные пространства, связанные с присутствием животных в мегаполисе, зоопарк наделяется символическими значениями. По мысли Л. Геллера, он отсылает нас к теме золотого века и городского эдема [5]. Несмотря на подобную символизацию, в зоопарке нарушена естественная жизнь животных. Что с юмористической, а в некоторых сюжетах и драматической наглядностью было показано в популярном мультфильме «Мадагаскар». Согласно сценарию, несколько животных, которые всю жизнь прожили в зоопарке Нью-Йорка, попали на волю, на остров Мадагаскар. В фильме разворачивается тема неестественности зоопарка для животных: на свободе поведением персонажей мультфильма управляют природные инстинкты, между ними складывается иное взаимодействие, нежели в зоопарке.

Еще большей деформации подвергается жизнь животных в цирке. В строчках А. Дементьева выражена боль за сложившуюся систему отношений животных и человека.

*Жалею зверей в зоопарке.
И в цирке мне жалко зверей.
Как люди на зрелища падки!
Когда же мы станем добрей?*

В отличие от зоопарка, все существование которого основывается на животных, цирк – это целый комплекс различных жанров, и животные в цирке представляют собой лишь один из элементов зрелищности. Как и зоопарк, цирк сегодня выполняет, в первую очередь, раз-

влекательную функцию. Цирковая программа выступает средством коллективной релаксации. Несмотря на то, что символически цирк может рассматриваться как модель утопической мастерской, основанной на принципе сотрудничества, партнерства в искусстве [5], в реальности взаимоотношения человека и животных в пространстве цирка почти всегда строятся на подавлении животного человеком.

Владельцы цирков утверждают, что цирки играют значимую роль в процессе воспитания, поскольку дети имеют возможность наблюдать за дикими животными. Однако в действительности все, что видит ребенок – это форму, размеры и цвет животного, за естественным поведением диких животных в цирке наблюдать невозможно. Зоозащитники и педагоги справедливо утверждают, что наблюдая цирковых животных в неестественных для них обстановке, где инстинкты их подавлены, ребенок получает искаженное представление не только о животных, но и о должном отношении к ним человека. Ребенок видит в цирке «очеловеченных» животных, наблюдает удары кнута и оклики дрессировщика. Такие примеры не учат доброте и уважительному отношению к животным. Дети, большинству которых свойственна любовь к животным, ничего не знают об условиях содержания и самом процессе дрессировки животных в цирке.

Таким образом, зоопарки и цирки выступают как малые культурные пространства, предназначенные для общения человека и животных внутри общегородского пространства. С одной стороны, обе формы существуют по своим особым законам, согласно своим традициям. С другой стороны, цирк и зоопарк не могут существовать обособленно, они тесно связаны с общегородским пространством, являясь составными частями визитной карточки города, они зависят от городских властей, вписаны в рыночные отношения. Данные малые пространства отражают экологические проблемы современно городской культуры (главным образом в нравственном и воспитательном ее аспектах). Альтернативой присутствия животных в клетке зоопарка и на арене цирка сегодня могут стать национальные парки и заповедники.

По мере роста потребностей жителей больших городов увеличивается количество малых пространств, предназначенных для домашних животных. Во многих странах для домашних питомцев открыты гостиницы, парикмахерские, рестораны, фитнес-центры, специальные кладбища... Сфера обслуживания домашних животных на сегодняшний день является прибыльной отраслью, в первую очередь, малого бизнеса, как за рубежом, так и в России. Однако она имеет свою

оборотную сторону. Она призвана не столько обеспечить потребности самих животных, сколько удовлетворить желания их хозяев. Помимо воли животных искусственное в их облике и поведении подменяет естественное. В условиях общества потребления животное все чаще превращается в объект потребления – в аксессуар для наряда, в игрушку, в элемент домашнего стиля. Подобные принципы отношения к животным демонстрируют низкий уровень нравственности, а значит, и экологического сознания, экологической культуры.

3. В различных малых культурных пространствах в границах мегаполисов общение людей и животных складывается по-разному. Так, контрастными являются взаимоотношения человек – домашние животные и человек – бездомные животные.

«Покуда животные пребывают в публичном пространстве на законных основаниях, сохраняя свою лояльность человеку, они получают покровительство от общественных институтов, таких как право и ветеринария», – пишет А. Оскольский [6]. Но как только звери выходят из-под социального контроля, они становятся опасными и неуместными на территории строго установленного порядка, и подлежат уничтожению или изоляции на отчужденных территориях – в приютах, на свалках и т. п.: «Как и у людей, у бездомных животных есть три пути: подвергнуться репрессиям (отлов, помещение в изолятор, удаление за пределы города и, увы, мира), пройти реабилитацию (отлов, приют, поиск новых хозяев) или же спастись бегством в новые местообитания, туда, где власть оставит в покое» [6].

Проблема бездомных животных – это проблема экологии мегаполисов. Животные-маргиналы зачастую становятся обитателями периферийных территорий как в горизонтальных координатах (живут на окраинах), так и в вертикальных (подвалы, чердаки). Сами по себе эти пространства воспринимаются человеком как потенциально опасные, они находятся на границе с чужим, здесь ослаблены или вовсе отсутствуют практики контроля. И животные на этих территориях становятся опасными для людей.

Таким образом, если домашние животные активно включаются человеком в культуру, то животные-маргиналы находятся в пограничном состоянии: они оказываются за границей культурного пространства, но и природе уже не принадлежат [3].

Рост количества бездомных животных в больших городах представляет собой серьезную проблему, главным образом из-за отсутствия должной культуры содержания и разведения животных. В силу особенностей развития российской цивилизации в нашей стране не

сложились традиции ответственного отношения к здоровью и условиям содержания домашних питомцев. О безответственном, безнравственном отношении человека к животным говорят и пишут сегодня многие. Так, А. Оскольский замечает, что «животные бессловесны и безответны: за них не нужно нести ответственности до конца, а предательство не будет считаться таковым» [6]. Тема бездомных животных сегодня активно обсуждается в официальных и независимых СМИ. Это публичное обсуждение является ответом на потребности россиян.

Для современной российской ситуации характерна некомпетентность и отсутствие правовой основы статуса животных в городе. Отчасти это наследие предшествующих десятилетий. В советскую эпоху на уровне идеологии выражалась потребительская позиция как в отношении к природе в целом, так и к животным, в частности. Бездомные животные считались «биологическим мусором», и власти предпринимали все усилия для их уничтожения. Эта тенденция сохраняется до сегодняшнего дня. В России до сих пор санкционируется властью уничтожение бездомных животных; стерилизация, содержание приютов для животных обходится государству дороже [7].

В отношении россиян к животным проявляются кризисные черты, свойственные всей мировой культуре на рубеже нового тысячелетия. Проявление насилия, жестокости, ослабление солидарности между людьми выражает общую закономерность, характерную для переходных периодов, – ожесточение нравов. Одним из вопиющих примеров, характеризующих «смутное время», потерявшее ценностные ориентиры, утратившее представление о ценности жизни (а это основной компонент содержания экосознания), является вызывающая активность догхантеров в России.

Гармонизацию взаимоотношений человека и природы следует начинать с нравственного облика человека. Для России это, среди прочего, обозначает повышение уровня осознания личной и коллективной ответственности за состояние окружающей среды.

Подводя итоги, хотелось бы подчеркнуть, что современная градостроительная практика должна включать в единое целостное городское пространство места, которые изначально предназначены для взаимодействия человека и животных. Это могут быть специализированные благоустроенные парки для выгула собак, это должны быть приюты и кладбища животных на окологородских территориях, а также гостиницы для животных, центры реабилитации диких животных, достаточное количество зеленых зон и т. п. Необходимо гово-

ритель и о создании специализированных просветительских центров, призванных формировать экологическое сознание, экологическую культуру в российском обществе. Все это вместе будет способствовать снижению числа конфликтов, порождаемых взаимодействием людей и животных в городе. Делать мегаполис более комфортной средой обитания как для животных, так и для человека. Сегодня существуют проекты подобных городов, в которых за основу берутся принципы экологической культуры, гармоничного взаимодействия природы и человека. Данной проблеме посвящены работы Паоло Солери, например книга под названием: «Аркологи́я: Град по образу и подобию человеческому».

Библиографический список

1. Багно И.Г. Основные идеи, опыт и уроки Чикагской школы // Проблемы культуры городов России. Омск, 1996.
2. Заборова Е.Н. Город на грани веков. Екатеринбург, 2007.
3. Баженова Е.В. Зоопространство на карте больших городов // «Город-карта»: стратегии переосмысления и реорганизации городских пространств: Регион. молод. науч.-практ. конф. Екатеринбург: ЕАСИ, 2012.
4. Соколовская М. Пресс-релиз выставки «Библиотека животных» (Екатеринбург, сентябрь 2006 г.). URL: <http://book.uraic.ru/galereja/vystavki2006/zoo>.
5. Геллер Л.О. Зверях и о Раях. URL: <http://www.russ.ru/pole/O-zveryah-i-o-Rayah>.
6. Оскольский А. Животные в пространстве «общественного порядка». URL: <http://www.pchela.ru/podshiv/36/mancityan.htm>.
7. Баженова Е.В. Люди и животные в городе: нравы постсоветской России // Историческая динамика российских нравов: консерватизм vs модернизация: матер. Всерос. конфер. с междунар. участием. Екатеринбург: Изд-во Урал. федеральн. ун-та, 2012.

УДК 620.952
ГРНТИ 66.01.84

Т.М. Панова
УГЛТУ, Екатеринбург

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЫНКА БИОТОПЛИВА

В статье рассмотрены вопросы современного состояния и перспективы развития рынка биотоплива. Проведена оценка положительных и негативных моментов, связанных с производством и использованием биотоплива.

Ключевые слова: биоэнергетика, биотопливо, энергетика, биогаз, биоэтанол.

Необходимость решения глобальных проблем, связанных с ограниченностью ископаемых запасов топлива и обеспечением экологической безопасности, обусловили развитие в мире возобновляемой энергетики и, в частности, биоэнергетики*.

К возобновляемым источникам энергии относят энергию солнечного излучения, ветра, потоков воды, биомассы, тепловую энергию верхних слоев земной коры и океана. Солнечная, ветровая и геотермальная энергетика (за счет тепловой энергии, содержащейся в недрах земли) требуют дорогостоящих технологий и нигде в мире не являются доходными.

Каждый год на Земле путем фотосинтеза образуется более 120 млрд т. органического вещества, что сопоставимо с 40 млрд т. нефти. Применение биомассы в качестве топлива и исходного сырья в биоэнергетике является актуальной задачей, особенно на фоне роста цен на энергоресурсы.

К основным факторам, определяющим значимость перехода к альтернативным источникам энергии, относятся следующие:

- глобально-экологический, так как традиционные энергодобывающие технологии оказывают отрицательное воздействие на окружающую среду;
- экономический, так как переход на альтернативные технологии в энергетике позволит сохранить ограниченные топливные ресурсы государства для их использования в химической промышленности и других высокотехнологичных отраслях производства;

* Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 г. ФГБУН «Институт энергетических исследований Российской академии наук», Аналитический центр при Правительстве РФ. М., 2013. 108 с.

▪ политический, так как государство, которое станет лидером в альтернативной энергетике, фактически сможет диктовать цены на энергоресурсы.

В настоящее время эффективные технологии конверсии биомассы, аккумулирующей в себе солнечную энергию в форме углеводов растительного происхождения, позволяют производить биотопливо в твердой, жидкой и газообразной формах.

Наибольшее распространение получили следующие виды биотоплива:

▪ биогаз – топливный газ, произведенный из биомассы и/или из биоразлагаемой фракции отходов, которая может быть очищена до качества природного газа;

▪ биоэтанол – этиловый спирт, производимый из биомассы и/или биологически разлагаемых компонентов отходов и используемый в качестве биотоплива;

▪ дизельное биотопливо – сложный метиловый эфир с качеством дизельного топлива, производимый из масла растительного или животного происхождения и используемый в качестве биотоплива, с получением сопутствующего продукта.

Активный рост производства и потребления биотоплива в мировой практике наблюдается на протяжении последних десяти лет и вопросы, связанные с биотопливом, вызывают достаточно широкий интерес. И это несмотря на то, что биотопливо занимает весьма незначительную долю в мировом энергетическом балансе и, кроме того, даже не является лидером рынка возобновляемых источников энергии, уступая ветроэнергетике. Это, на наш взгляд, вызвано тем, что биотопливо прямо или косвенно затрагивает интересы разных сфер – этики и политики, экономики и экологии, науки и технологии, продовольствия и энергетики.

Предпосылками роста производства биотоплива послужили рост цен на нефть, поддержка индустрии правительствами Европы и США, идея энергетической безопасности (автономии) и вопросы экологии. Наибольшую популярность в США приобрел топливный этанол, который получают преимущественно из кукурузы и ряда других сельскохозяйственных культур. Данный биоэтанол используется как в качестве бензина, так и в смеси с ним. Существенное развитие в Европе получил биодизель, производимый из рапсового, пальмового и подсолнечного масла. Следует отметить, что добавление этанола или смеси биодизеля в топливо в количестве до 10 % не требует изменения конструкции двигателя автомобиля.

Серьезным преимуществом биотоплива является уменьшение выбросов парниковых газов, однако не следует утверждать об образовании меньшего количества диоксида углерода при сгорании биотоплива. В результате сгорания биотоплива не происходит изменения углеродного баланса планеты, так как в атмосферу происходит возвращение углерода, ранее поглощенного растениями. Другое дело обстоит с ископаемыми видами топлива: при попадании в атмосферу углерода, входящего в их состав и находящегося миллионы лет в земных недрах, происходит повышение концентрации углекислого газа.

Исследования экологичности биотоплива показывают, что данный вид топлива снижает выбросы углеводородов, монооксида углерода, практически отсутствуют соединения серы, но при его сгорании увеличиваются выбросы оксидов азота в окружающую атмосферу. В целом, общий объем вредных выбросов при использовании биотоплива меньше, чем в случае нефти, угля и газа.

Несомненно, современные западные течения в области биоэнергетики не обошли стороной и Россию, которую от других западных стран отличают огромные резервы углеводородов, благодаря чему она еще долго будет оставаться главным поставщиком энергетических ресурсов в мире.

В то же время производству биотоплива в России способствует наличие у нашей страны огромного количества свободных земель, которые пригодны для выращивания лесных и сельскохозяйственных культур. Напомним, что на долю России приходится около 9 % земель мира.

Другими преимуществами производства биотоплива в России являются:

- доступность сырья и возможность их круглогодичной переработки;
- наличие плодородных почв для выращивания сырья;
- доступная и недорогая энергетика.

Несмотря на эти предпосылки, в сфере производства биотоплива в России наблюдается крайне низкая активность по сравнению с западными странами, что объясняется прежде всего наличием больших запасов традиционных источников энергии и административными барьерами.

Главным экономическим фактором, тормозящим развитие биоэтанола в России, является тот факт, что биоэтанол как спиртосодержащая продукция, согласно действующему законодательству Российской Федерации, облагается акцизом. Таким образом, себестоимость

биоэтанола будет наравне с бензином, если не выше. С этим в основном связана нерентабельность производства российского биоэтанола. Следует отметить, что акциза на топливный этанол в большинстве стран мира нет.

Несмотря на определенную значимость биотоплива его прямое или косвенное воздействие на общемировые сельскохозяйственные рынки, окружающую среду и продовольственную безопасность уже вызывает полемику и разногласия:

- растущий спрос на сырье для биотоплива первого поколения способствует повышению роста цен на продукты питания, что ставит под угрозу продовольственную безопасность населения. В то же время в долгосрочной перспективе расширение спроса и рост цен на сельскохозяйственные товары могут открыть возможности для развития сельского хозяйства и сельскохозяйственных районов;

- воздействие биотоплива на выбросы парниковых газов является одним из ключевых стимулов, лежащих в основе поддержки сектора биотоплива, но он может быть очень разным в зависимости от сырья, местоположения, технологии переработки;

- биотопливо заменит, вероятно, лишь небольшую часть мировых поставок энергии и не сможет полностью ликвидировать нашу зависимость от ископаемого топлива;

- без поддержки государственных субсидий во многих странах производство биотоплива не является рентабельным при существующих технологиях производства.

Несмотря на все существующие противоречия, развитие индустрии биотоплива, особенно второго поколения, в нашей стране имеет положительные перспективы:

- производство и применение биотоплив может носить локальный характер без необходимости использования глобальных систем трубопроводов, линий электропередач и др.;

- биотопливная индустрия в рамках развития агроэнергетического комплекса является фактической поддержкой сельскохозяйственного производителя и способна создать значительное количество рабочих мест;

- интенсивное развитие биотопливной промышленности позволит России сохранить и упрочить свои позиции как мировой энергопроизводящей державы, занять лидирующие позиции в развитии биотоплива на основе использования своих природных ресурсов, открывает широкие возможности для лесной и сельскохозяйственной индустрии.

УДК 94(470) «17/18»
ГРНТИ 03.23.31

В.В. Шibaев
УрФУ, Екатеринбург

ЛЕСОВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ В ДАЧАХ ГОРНЫХ ЗАВОДОВ УРАЛА КОНЦА XVIII в. – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Показаны особенности ведения лесовосстановительных работ на горнозаводских лесных дачах Урала в дореформенный период. Отражены основные нормативные акты, регламентировавшие лесное дело на уральских горных заводах. Приводятся опыты горнозаводских лесничих по организации лесовосстановительных работ под руководством И.И. Шульца и Н.Г. Мальгина.

Ключевые слова: горный завод, куренное дело, лесничий, форштмейстер, вальдмейстер.

В процессе формирования индустриального общества происходили кардинальные перемены в общественных представлениях о лесных ресурсах. Развитие промышленности, обусловившее рост потребности в древесном угле и древесине как строительном материале, как следствие, интенсивную вырубку лесов, сопровождалось постепенным переходом к современной модели восприятия лесных богатств, характерной особенностью которой является осознание угрозы истощения лесных ресурсов и необходимости усилий для обеспечения лесовосстановления. Эти тенденции можно проследить, в частности, на материалах уральского региона конца XVIII в. – первой половины XIX в.

В данный период основным топливом для горнозаводской промышленности был древесный уголь, для его производства (куренное дело) лес вырубался в больших масштабах и без каких-либо ограничений, как тогда говорили степью или наголо.

Огромные объемы лесозаготовок и быстрое истощение прилегающих к заводам лесных массивов потребовали проведения особых мероприятий по восстановлению заводских лесов. Истребление лесных ресурсов в Тульском и Олонецком горнозаводских регионах заставило правительство уделить особое внимание этой проблеме уже в конце XVII в. при строительстве первых заводов на Урале.

В указе 1702 г. о пожаловании А. Демидову уральских заводов отмечалась необходимость в сохранении подроста «на высеченных местах, копаней не копать и впредь лес запускать». Предписывалось

определить, какая площадь леса нужна для действия завода на год, «выбирать 25–30 таких мест и рубить погодно, рядом, а изрубя паки лесную поросль запускать, дабы пока место последнее вырубят, к тому времени первый (лес на первом вырубленном месте) поспел» [1]. По указу Берг-коллегии 1721 г. это правило было распространено, леса вокруг всех заводов разделялись на 25–30 равных долей с правом ежегодной рубки одной доли. В 1723 г. была разработана «Обервальдмейстерская инструкция», в которой разделение горнозаводских лесов на части было узаконено [2]. Выполнение требований этой инструкции специально оговаривалось Берг-коллегией при выдаче разрешений на строительство новых заводов. Ряд мер по сохранению подроста при проведении лесозаготовок был предложен главным начальником уральских горных заводов В.И. Генниным. В своих распоряжениях он указывал на необходимость ухода и сбережения молодняка для возобновления лесов и предлагал прореживать молодую поросль, оставляя деревья с хорошо развитой кроной [3].

По мнению Н.И. Теринова, к середине XVIII в. на Урале сложились определенные правила рубок для «куреной операции». Это были сплошные концентрированные лесозаготовки с ежегодным примыканием лесосек без оставления семенников. Оборот рубки составлял 25–30 лет. Фактически леса вырубались наголо и степью, что значительно удешевляло затраты на заготовку древесного топлива. Все лесное хозяйство в горнозаводских дачах было направлено на добычу дровяной древесины, ее выжиг и транспортировку к заводам. Последствия таких методов заготовки игнорировались, а их применение привело к смене хвойных пород мягколиственными [4].

В середине XVIII в. были предприняты попытки узаконить сохранение подроста при заготовке древесины. В октябре 1748 г. Сенат издал указ, «чтоб впредь, где леса рубиться и доски заготовляться будут, оных срубленных лесов сучья, вершины, щепья и коры в лесах оставляемо не было, а вывожены были бы вон, чтобы на таких местах мог вырастать лес». Оставшуюся после вырубок хвою и щепу предписывалось вывозить в удобные места и не сжигать во избежание пожаров.

В декабре 1750 г. был издан новый указ, по которому порубочные остатки «хотя и велено (было) сжигать, но для сжигания сваживать в болотные и безопасные места». Внимание правительства к этой проблеме указывает на то, что обеспечение уральских заводов топливом являлось приоритетной задачей в политике государства в развитии промышленности. Требование сохранения подроста при проведении

«куренной рубки» было установлено в 1759 г., по приказу Сибирской губернской канцелярии оно являлось обязательным при заключении договора на заготовку древесины [5]. 16 августа 1763 г. был опубликован новый сенатский указ, где предписывалось «поросль, которая между лесом на корню ниже двух вершков в диаметре, на дрова не рубить, а стараться сколько можно хранить от повреждения». Хотя этот документ предназначался только для Воткинского и Колывано-Воскресенского заводов, он является свидетельством предпринятых по урегулированию вырубок с целью обеспечения его восстановления. Наряду с сохранением подроста на уральских заводах разрабатывались и иные способы содействия возобновления леса. В проекте «Устава о лесах» 1786 г. было выдвинуто требование при проведении лесозаготовок «оставлять 20–30 молодых деревьев» для естественного возобновления лесов. Но установленные правила рубки леса не соблюдались и носили в течение XVIII в. бессистемный характер. Лесозаготовки велись в основном наголо или степью, что неизбежно приводило к истощению лесов, приписанных к горным заводам.

В «Проекте устава о лесах» 1802 г. хвойные леса на Урале были разделены на 80 частей в равнинных и на 100 частей в горных лесах, а березовые и осиновые – на 50–60 частей. Ширина лесосек для всех насаждений устанавливалась в 20 сажень, выбор направления рубки определялся направлением господствующих ветров [6]. В результате обеспечивалось естественное осеменение на участках с вырубленным лесом.

Бессистемные рубки и быстрое увеличение расстояний и затрат на вывоз леса заставили уральских горных чиновников и лесничих самостоятельно разрабатывать меры по своевременному и качественному восстановлению леса. Совершенствование правил рубки производилось для восстановления лесов в прилегавших к заводам зонах.

В 1814 г. в Екатеринбургском горном округе форштмейстером (главным лесничим горного округа) И.И. Шульцем проводились опыты по применению узколесосечных вырубок с шириной лесосек в 150 шагов и кулисным примыканием лесосек. Во время лесозаготовок оставлялись «семенные куртины» из 8 деревьев [7].

Уже в 1815 г. им были составлены следующие указания куренным мастерам при вырубке леса: «оставлять строевого леса не тоньше как шести вершков для сохранения и рубку производить в дровосеках не шире как пятьдесят сажень шириною, а в длину сколько нужно, ежели местоположение не препятствует того количества дров вырубить; при недостатке потребного количества леса в дровосеке назна-

чить оного через сто шагов, чтобы между двумя дровосеками лес остался не вырублен, который для рубки назначен будет, когда окажется благонадежным к произрастанию нового леса».

Одновременно с разработками И.И. Шульца управляющим Воткинским заводом Н.Р. Мамышевым были утверждены «Правила для рубки в заводских лесах дров и отвода лесосек», где также содержалось требование о сохранении подроста при рубке леса. Ширина лесосек составляла не более 20 сажень. Правила Н.Р. Мамышева были утверждены для применения на уральских горных заводах Горным Советом 30 октября 1820 г. [8].

Медленное возобновление леса и растущий на него спрос вызвали начало работ по искусственному разведению лесов. В 1818 г. под руководством И.И. Шульца в дачах Екатеринбургских заводов были организованы посевы древесных культур на вырубках. В этом году было засеяна площадь в 2 десятины 520 сажень, в 1819 г. – 3 десятины 300 сажень, в 1821 г. – более 5 десятин, а в 1822 г. – чуть менее 4. Посевы производились «полесовщиками» без всякой оплаты. Проверка всходов в 1825 г. показала, что посевы были слишком густы и много саженцев погибло. Тем не менее опыты И.И. Шульца были признаны полезными окружным горным начальством, и ему были компенсированы затраты на посев из расчета по 20 рублей на каждую засеянную десятину. При проведении последующих посевов ему было предписано представлять хозяйственные счета, а «(заводским) конторам иметь наблюдение и об успехе роста леса, а равно о благонадежности оного ежегодно доносить главной конторе (Екатеринбургских заводов) с приложением плана посеянному лесу» [9]. В 1829 г. в даче Камского казенного завода был проведен экспериментальный засев. Опыты по искусственному разведению лесов в горнозаводских дачах стали проводиться и на частных заводах. В 1829 г. управляющий заводами А.А. Кнауфа Вечеслов засеял сосновыми семенами до 10 десятин. Этот посев оказался удачным, и в 1830 г. предполагалось их расширить до нескольких сотен десятин [10].

Огромную роль в развитии горнозаводского лесного хозяйства сыграла «Инструкция об управлении лесной частью на горных заводах хребта Уральского по правилам лесной науки и доброго хозяйства», составленная в 1830 г. под руководством министра финансов графа Е.Ф. Канкрин. В ней было предусмотрено сохранение при рубке хорошо развитого подроста и тонкомера «отличных сортов» и оставление «семенных деревьев средней величины». Вместо семенников разрешалось оставлять «семенные куртины». На невозобно-

вившихся вырубках предлагалось проведение ряда мероприятий по содействию естественному осеменению путем рыхления почвы сохой или бороной. Впервые были узаконены методы выборочной рубки леса и шахматный способ размещения лесосек. Вместе с тем разрешалось применение не оправдавшей себя концентрированной вырубки лесов. Отдельная глава «Инструкции» была посвящена искусственному разведению лесов, при этом предусматривалось два основных метода по созданию лесных культур – посадка и посев. Рекомендовалось проведение посевов, так как их проведение было признано более дешевым [11].

В 1830 г. И.И. Шульц составил наставление «О легком способе собирать и разводить леса сосновой породы», в котором были даны нормы по сбору семян. При разведении лесов рекомендовалось использование изобретенной им специальной сеялки [12].

Главная контора Екатеринбургских заводов предписала подобрать заводским конторам совместно с окружным (старшим) лесничим участки, пригодные для посева сосновыми семенами, положить их на планы и представить в главную контору. И.И. Шульц вызвался осуществить руководство кампанией по лесным посевам в округе. Для обучения каждый завод обязывался направлять к нему двух мальчиков. Своих представителей для обучения посевам присылали и многие частные заводы со всех районов Урала. В 1831 г. по три человека было послано от Нижнетагильского и Ревдинского заводов Демидовых, Алапаевского Яковлевых, по два человека от Невьянского и Верх-Исетского Яковлевых, Чермозского Яковлевых, Нытвенского князей Голицыных и Верхне-Туринского графини Полье. В 1831–1833 гг. у И.И. Шульца ежегодно обучалось 20 человек [13].

В 1832–1833 гг. на уральских казенных заводах началась кампания по искусственному разведению лесов. Общее руководство было передано И.И. Шульцу. В Камско-Воткинском горном округе в 1832 г. при непосредственном участии И.И. Шульца и Н.Г. Мальгина были проведены опытные посевы желудей дуба на площади двух га. В следующем году свыше 14 десятин было засеяно семенами ели и сосны. В 1833 г. в Богословском горном округе были проведены опытные посевы семян сосны. Небольшие посевы производились в Гороблагодатском округе. В даче Юговского завода Пермского округа было засеяно более двух десятин. В Екатеринбургском округе до 1833 г. всего было посеяно почти 55 десятин, а в 1833 г. – 23 десятины.

В 1837 г. И.И. Шульц внес в «Правила рубок леса» Н.Р. Мамышева некоторые изменения. Ширина лесосек была установлена в

50 саженой, как и ширина оставляемых кулис. Эти изменения были вызваны опасностью возникновения лесных пожаров во время «курной операции» на узких лесосеках. Запрещался выпас скота на вырубках и их перевод в сельскохозяйственные угодья. Обновленные правила были введены во всех казенных горнозаводских дачах, а с 1838 г. – на посессионных и владельческих заводах.

В 1832–1838 гг. в округе Камско-Воткинского завода была засеяна сосновой культурой площадь в 227 десятин и 10 десятин – дубовой. На Пермских заводах за шесть лет сосновыми семенами было засеяно не менее 193 десятин, а еловыми – свыше 992. В Богословском округе с 1832 по 1838 гг. было посеяно более 39 десятин, небольшие масштабы посевов в этом округе объяснялись большими запасами лесных ресурсов.

На частных заводах объемы посевов в 1837–1849 гг. составили лишь 460 десятин. В дачах Невьянских заводов было засеяно более 242 десятин [13]. В дачах Алапаевских заводов в 1834–1838 гг. – 26 десятин. На Нижнетагильских за тот же период – 184 десятин, в Ревдинском заводе – 14, а на Верх-Исетском и Режевском – более 32 десятин. Посев в частных горнозаводских дачах обходился в 15 раз дороже, чем в казенных. Чтобы уменьшить затраты на проведение искусственного разведения лесов на частных дачах, И.И. Шульц разработал «Ведомость об урочных работах», где были подробно расписаны все виды работ и минимальные расходы на них, начиная со сбора и переработки шишек.

Уральское горное правление в 1848 г. с целью сохранения лесных запасов запретило рубку мелкого леса, в том числе и на куренях. В том же году правление предписало рубить лес узкими лесосеками без оставления семенников.

Таким образом, И.И. Шульц внес большой вклад в разведение горнозаводских лесов на Урале. Под его руководством и по его технологии к началу 1858 г. было засеяно более 11 тысяч десятин леса, из них по Екатеринбургскому округу свыше 4000, Златоустовскому – 1200, Гороблагодатскому – 1135, Богословскому – 1600 и Воткинскому – более 600 [14].

С 1858 г. для всех горных заводов была утверждена ширина лесосек не более 50 саженой. В конце 50-х гг. кулисные вырубki были приостановлены новым главным лесничим Н.Г. Мальгиным, так как он считал, что они не достигали своей цели из-за того, что будущие насаждения могли быть слишком разновозрастными. Однако этот метод применялся вплоть до 1830-х гг.

По мнению Н.И. Теринова, уральский регион является родиной идеи сохранения подростка при рубке леса, хотя первые попытки организации восстановления леса путем сохранения молодых деревьев предпринимались еще в XVIII в. [4].

Таким образом, следует выделить два основных периода совершенствования методов рубки леса, господствовавших на Урале в конце XVIII – первой половине XIX вв. На протяжении XVIII – 1830-х гг. в горнозаводских дачах применялись куренные рубки степью или наголо. В результате количество горных лесов вокруг заводов быстро истощалось. С 1830-х гг. методы проведения лесозаготовок стали определяться не только эксплуатационными потребностями, но и требованиями рационального лесного хозяйства. В этот период господствовали кулисные рубки, предусматривавшие сохранение подростка для естественного возобновления лесов.

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что зарождение лесовосстановительного дела на Урале было обусловлено промышленным развитием края. При этом потребовался достаточно длительный период времени (более ста лет) для того, чтобы в уральском горнозаводском регионе в более-менее значимых масштабах начали реализовываться установки государства на обеспечение восстановления лесов.

Библиографический список

1. Указ 8 марта 1702 г. о пожаловании А. Демидову заводов на Урале // Материалы к записке о посессионном праве. СПб., 1913.
2. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2326. Л. 541.
3. Жизнеописание генерал-лейтенанта В.И. де Геннина // Горный журнал. 1826. Кн. 4.
4. Теринов Н.И. Леса Артинского лесничества и их динамика в связи с историей лесного хозяйства: автореф. дис. ... канд. с/х. наук. Свердловск, 1969.
5. Лесоводственное обозрение // Сельское хозяйство и лесоводство. 1888. Кн. 9.
6. Проект Устава о лесах 1802 г. // ПСЗ. Т. 27. № 20112, 20160.
7. Теринов Н.И. Памяти И.И. Шульца // Лесное хозяйство. 1979. Кн. 1.
8. ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 280. Л. 6–7.
9. Боков В.Е. Посев леса в уральских горнозаводских дачах // Лесной журнал. 1897. Кн. 5.

10. РГИА. Ф. 37. Оп. 13. Д. 282. Л. 30.
11. Инструкция об управлении лесной частью на горных заводах хребта Уральского. СПб., 1830.
12. ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 241. Л. 12–23.
13. ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 35. Л. 39.
14. ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1615. Л. 3–23.

НАШИ АВТОРЫ

Баженова Екатерина Вячеславовна – кандидат культурологических наук, доцент кафедры философии Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), Екатеринбург.

Березина Анна Валерьевна – старший преподаватель кафедры философии Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), Екатеринбург.

Калистратова Елена Анатольевна – доцент кафедры истории и экономической теории, Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), Екатеринбург.

Каташинских Сергей Николаевич – доцент кафедры философии Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), Екатеринбург.

Лутцев Михаил Вячеславович – доцент Оренбургского государственного аграрного университета (ОГАУ), Оренбург.

Мышкина Екатерина Викторовна – учебный мастер Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), Екатеринбург.

Назаров Игорь Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), почетный работник высшего профессионального образования, Екатеринбург.

Новикова Оксана Николаевна – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой философии Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), Екатеринбург.

Петрикеева Ирина Алексеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и экономической теории Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), Екатеринбург.

Петров Василий Борисович – доктор филологических наук, профессор кафедры социально-культурных технологий, Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), Екатеринбург.

Помазуева Татьяна Николаевна – доцент кафедры истории и экономической теории Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), Екатеринбург.

Пудов Алексей Григорьевич – заведующий кафедрой философии, кандидат философских наук, доцент Якутской государственной сельскохозяйственной академии (Якутская ГСХА), Якутск.

Пухов Денис Юрьевич – заведующий кафедрой истории и экономической теории, кандидат исторических наук, доцент Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), Екатеринбург.

Сигнаевская Ольга Романовна – доцент кафедры философии, кандидат философских наук Уральского государственного педагогического университета (УрГПУ), Екатеринбург.

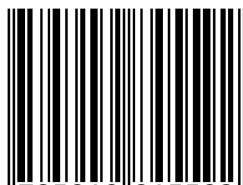
Шибяев Виктор Владимирович – доцент Уральского федерального университета (УрФУ), Екатеринбург.

Фонова Нина Георгиевна – кандидат экономических наук, доцент Уральского государственного горного университета (УГГУ), Екатеринбург.

Научное издание

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В РОССИИ

ISBN 978-5-94984-559-2

9 785949 845592

Редактор Н.В. Рощина

Оператор компьютерной верстки Н.В. Терещенко

Подписано в печать 18.05.2016

Формат 60×84 1/16

Печать офсетная

Уч.-изд. л. 7,47

Усл. печ. л. 6,74

Тираж 100 экз.

Заказ №

ФГБОУ ВО «Уральский государственный лесотехнический университет»

620100, Екатеринбург, Сибирский тракт, 37

Тел.: 8(343)262-96-10. Редакционно-издательский отдел

Отпечатано с готового оригинал-макета

Типография ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР УПИ»

620062, РФ, Свердловская область, Екатеринбург, ул. Гагарина, 35а, оф. 2